

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС ПРОВИДИЦА

В мире продано
более **50 миллионов**
экземпляров книг
Питера Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

Провидица

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Провидица / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус»,
1989 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13659-5

В раннем детстве Саманта Кертис оказалась участницей страшных событий. И вот теперь, много лет спустя, прошлое возвращается, причудливо вторгаясь в настоящее. Саманте постоянно снятся сны, в которых фигурирует один и тот же зловещий персонаж. Вот только непонятно, угрожает он ей или, напротив, пытается предупредить об опасности? А может, стоит повнимательнее присмотреться к тем, кто окружает ее наяву? Вдруг эти люди совсем не те, кем кажутся?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13659-5

© Джеймс П., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

1	7
2	12
3	21
4	26
5	33
6	40
7	46
8	54
9	56
10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Питер Джеймс Провидица

Моей матери и памяти моего отца – отсутствующего друга

*Счастлив заяц утром, потому что не может прочесть мысли
просыпающегося охотника. Счастлив лист, не знающий, когда он
упадет с ветки...*

У. Х. Оден

Peter James
DREAMER
Copyright © Peter James 1989
First published in 1989 by Orion, London

© Г. Крылов, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Питер Джеймс родился в Великобритании, окончил привилегированную частную школу Чартерхаус, а потом киношколу. Был продюсером ряда фильмов, в том числе «Венецианского купца», роли в котором исполнили гениальный Аль Пачино, Джереми Айронс и Джозеф Файнс, а также сценаристом нашумевшего многосерийного «Ситкома перед сном» («Bedsitcom»), номинированного на премию международного фестиваля телевизионной продукции «Золотая роза» в Лозанне.

Прожив несколько лет в США, Джеймс вернулся в Англию и взялся за перо. Его авторству принадлежат более двух десятков книг, переведенных более чем на 40 языков; три романа экранизированы. Все эти произведения отличает глубокое знание психологии: автор с дотошностью ученого исследует личности полицейских и преступников. Огромным успехом пользуется серия романов о детективе Рое Грейсе: по всему миру продано свыше 30 миллионов экземпляров книг.

Писатель завоевал международное признание в мире литературы: он является лауреатом многих престижных премий за лучший криминальный триллер, в том числе «Алмазного кинжала» Ассоциации писателей-криминалистов, полученного в 2016 году. Однако детективами интересы Питера Джеймса не ограничиваются – его привлекают медицина и другие науки, включая исследование паранормальных явлений. Джеймс приглашен консультантом в полицию Суссекса как редкий знаток приемов криминалистики.

Писатель живет на два дома: в Ноттинг-Хилле (Лондон) и Суссексе, неподалеку от Брайтона. Он обожает своих домашних питомцев и коллекционирует автомобили.

Питер Джеймс по праву занимает литературную нишу между Стивеном Кингом и Майклом Крайтоном.

Mail on Sunday

Грандиозный талант... Джеймс – один из немногих писателей, чьи книги никогда не разочаровывают,

Starburst

Нигде больше не найдешь столь пронзительно точного описания типичного оруэлловского кошмара.

Shivers

В мире фантазий всегда полным-полно всяческих страшилок, однако весь ужас в том, что героиня романа находится в мире узнаваемом, реальном...

Daily Express

Книга держит в напряжении от начала до конца.

Джеймс Герберт, автор "Волшебного дома"

1

Порыв ветра принес к ней этот крик, хлестнул по лицу, словно бросив в него горсть песка, и ужалил ее сердце страхом.

Она остановилась, прислушалась. Новый порыв сорвал с деревьев еще несколько ранних осенних листьев и понес их по полю. А потом она снова услышала крик.

Один-единственный душераздирающий крик, исполненный дикого ужаса, пронзивший ее, словно нож.

«Уходи, – говорил он. – Спешу. Беги, пока еще не поздно!»

Несколько мгновений Саманта колебалась. А потом бросилась на крик.

Саманта, или, как все ее звали, Сэм, была маленькой худенькой девочкой, ей всего несколько дней назад исполнилось семь. Каштановая челка упала малышке на глаза, она нетерпеливо отбросила ее, наступила на камушек на тропинке, споткнулась.

Остановилась, тяжело дыша, огляделась: осмотрела борозды коричневой почвы, тянувшиеся вдоль пустоши; лес, подступавший к пустоши с двух сторон; сарай за калиткой в дальнем ее конце. Затем прислушалась к новому порыву ветра, но тот донес до ее слуха лишь звук заскрипевшей двери. Сэм снова побежала, теперь уже быстрее, стараясь не ступать на камни, кирпичи, рытвины; песок вылетал у нее из-под подошв.

– Иду, – сказала она, замедляя бег и, переводя дыхание, остановилась, нагнулась, чтобы завязать шнурок кроссовки. – Сейчас. Осталось совсем чуть-чуть.

Она в нерешительности застыла на некотором расстоянии от сарая Кроу – громадного, темного, заброшенного. Половина двери у него отсутствовала, и девочка заглянула в его черное нутро. Будь рядом подруга, она зашла бы в сарай без колебаний, но вот идти туда одной... Одной было страшновато. Саманте прежде доводилось играть тут поблизости, и у нее имелись свои укромные местечки, однако она всегда старалась держаться от сарая на безопасном расстоянии, достаточном, чтобы то, что прячется там, в темноте, не могло выпрыгнуть и схватить ее. Половинка двери приоткрылась на несколько дюймов, и петля снова завизжала, как раненое животное. Где-то наверху раздался хлопок, потом еще один, и девочка испуганно подпрыгнула, но облегченно перевела дыхание, увидев, что это кусок покоребившегося кровельного железа то приподнимается на ветру, то с громким стуком падает обратно.

Медленно, опасливо прошла она мимо полусгнившей доски, мимо гнutoго и проржавевшего велосипедного колеса и вступила через дверь в черное безмолвие. В нос ей тут же ударили вонь гниющей соломы и застарелый запах мочи. Почувствовала Сэм и еще какой-то запах, определить который не смогла, но от него кожа у нее покрылась пупырышками, ей захотелось развернуться и бежать – то был необычный, пугающий аромат опасности.

Девочке показалось, что крик, который она слышала, все еще продолжает звучать в воздухе.

Она осмотрелась в темноте, с трудом различив на полу в столбе пыльного света пустое корыто, старую молотилку и часть древнего плуга. По ветхой приставной лестнице можно было подняться на чердак, и Сэм устала в еще более темную черноту, услышала какой-то странный звук, доносящийся оттуда, а затем шепот.

Голова у малышки закружилась от ужаса.

Потом до нее донеслись характерные звуки, будто кто-то надувал резиновую лодку насосом, и тихий, жалобный стон:

– Не-е-ет.

И опять все сначала.

Сэм подбежала к лестнице, стала карабкаться вверх, не обращая внимания на то, что лестница прогибается и в любую секунду может сломаться. Девочка старалась не думать, что сейчас она окажется в непроглядной темноте. Она поднялась на самый верх, выбралась на грубые деревянные балки, покрытые толстым слоем пыли, и поморщилась: ей в палец попала заноза.

– Нет. О-о! Нет. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста...

Голос затих, теперь до Сэм доносилось лишь сдавленное дыхание. Она вновь услышала звуки, похожие на то, как если бы работал насос, теперь они были значительно громче и сопровождались каким-то невнятным мычанием. А затем раздался девичий голос – осипший, умоляющий, хриплый, прерывающийся:

– Не надо! Пожалуйста, не надо! Пожалуйста! Нет! О боже!

Ее рука нащупала что-то круглое и твердое, вроде пластмассовой коробочки с выходящим из нее проводом. Наверное, выключатель. Сэм нажала кнопку – в нескольких дюймах у нее над головой загорелась голая лампочка, и девочка, моргнув, увидела тюки соломы, высоко наваленные впереди, и узкий темный проход между ними наподобие коридора.

Несколько секунд вокруг было тихо. Потом раздался всхлип, который резко оборвался. Дрожа от страха, Сэм пошла за своей тенью между тюками сухой, издающей едкий запах соломы, которая была навалена до самой кровли. Она осторожно ступала на балки, пока ее тень не слилась с остальной темнотой.

Прямо перед нею раздался еще один всхлип, а затем какой-то резкий звук наподобие щелчка, его сменил жуткий хрип, а затем воцарилась полная тишина. Сэм замерла, сердце ее испуганно забилося, когда она увидела, как из темноты поднялась какая-то фигура и поковыляла в ее сторону, вытягивая к ней руки. Девочка стала отступать, делая осторожные шаги, нащупывая ногами балки, дрожа всем телом, дотрагиваясь руками до колючей соломы, чтобы не упасть, и глядя широко распахнутыми глазами на фигуру, которая наступала на нее из темноты, вырисовываясь с каждым шагом все четче.

Внезапно Сэм ясно поняла: вовсе не тень скрывает лицо незнакомца, а балаклава – черный вязаный шлем, закрывающий лоб и лицо, с прорезями для глаз, носа и рта.

Теперь она видела и руки: правая оказалась изуродованной, всего с двумя пальцами – большим и мизинцем; эта рука тянулась к ней из темноты, словно клешня.

Сэм споткнулась и упала на спину прямо под лампочкой. Перевернувшись, поднялась на ноги и попыталась отступить назад, но снова споткнулась и услышала хруст – это ее нога провалилась сквозь прогнивший чердачный пол.

– Ты, маленькая сучка! Какого хрена тебе здесь надо?

Она ощутила, как его ладони сомкнулись у нее на шее, почувствовала его двупалую руку, сильную, невероятно сильную, словно стальные щипцы. В нос ей ударил запах лука и пота, старого, застоявшегося пота, который словно бы многие недели впитывался в одежду, а теперь вдруг вырвался наружу; ну а луком от мужчины воняло так, что у бедняжки заслезились глаза.

– Я... я просто была...

Она замолчала, сильные руки еще крепче сжали ее шею, сдавили кости, пытаясь сломать их. Сэм дернулась, потом споткнулась и упала на пол, увлекая за собой мужчину. Ее спину пронзила мучительная боль, но она поняла, что свободна; перевернувшись, опять услышала его мычание, перевернувшись еще раз и встала на ноги. Почувствовала, как он ухватил ее за свитер, потащил; девочка задергалась, пытаясь вырваться, но снова споткнулась и упала.

Попробовала было подняться, но рука мужчины ухватила ее за плечо, прижала к полу; а потом он лег на нее сверху и обхватил коленями с обеих сторон, полностью обездвигив. Сэм вновь ощутила зловонное дыхание, ее словно обдавал теплый нечистый ветер, впитавший в себя запах свежего лука.

– Хочешь, чтобы я тебя трахнул, малявка?

Мужчина рассмеялся, а Сэм уставилась на черную балаклаву, ярко освещенную теперь лампочкой наверху, увидела сквозь прорези безумное сверкание его глаз и гнилые зубы. Он откинулся назад, расстегнул ремень. Ветер снова приподнял оторвавшийся кусок покореженного железа на крыше, и на них на одно мгновение хлынул дневной свет, но потом железо с громким хлопком вернулось на прежнее место. Мужчина поднял голову, и Сэм прыгнула на него, вцепилась ногтями в его лицо, вдавила пальцы в глаза. Пальцы левой руки неожиданно ушли слишком глубоко, и Сэм почувствовала что-то жуткое, студенистое, а потом услышала с пола такое громоухание, словно бы по нему покатился каменный шар.

Сильная рука ударила ее по щеке.

– Ах ты, маленькая сучка, ты что это сделала? Что ты натворила?

Девочка уставилась на него, дрожа всем телом, вытащила палец из пустой глазницы, которая теперь представляла собой красное слезящееся месиво с напозшей на него бровью. Сэм почувствовала, как ее враг откинулся назад, ухватившись за лицо руками, и воспользовалась этим: высвободила ногу и со всей силы ударила его в лицо. Голова насильника резко запрокинулась, задела лампочку, та треснула, и все вокруг погрузилось в полную темноту. Малышка откатилась в сторону, отчаянно пытаясь нащупать лаз, но тут снова почувствовала руки мужчины на себе: он отбросил ее на пол, а потом снова подмял под себя. Сэм начала отчаянно лягаться, закричала, принялась размахивать руками, бить наугад, чувствуя совсем рядом его дыхание. Лицо мужчины приблизилось к ней на расстояние нескольких дюймов, и вдруг лучи света хлынули внутрь – ветер снова поднял оторвавшийся лист железа, и Сэм отчетливо увидела совсем рядом красную пустую глазницу.

– Помогите!

– Сэм?

– Спасите меня!

– Сэм? Эй, Сэм?

Девочка принялась молотить руками изо всех сил и вдруг почувствовала, что мужчина отпустил ее и она падает, а потом стремительно катится по мягкой земле... Свет здесь был совсем другой; она попыталась встать, но упала вперед и опять покатилась с невероятной скоростью.

– Помогите, пожалуйста, помогите!

– Сэм?

Голос звучал мягко. Девочка снова увидела свет, льющийся откуда-то из открытой двери поблизости, а потом над нею склонился чей-то силуэт.

– Нет! – крикнула она и откатилась назад.

– Сэм. Успокойся, малышка. Все хорошо.

«Голос другой, – поняла она. – И свет тоже не такой, как был там».

– Тебе просто приснился страшный сон. Ночной кошмар.

Значит, это был сон? Она глотнула воздуха. Присмотрелась к фигуре. Молодая девушка. В падающем с лестничной площадки свете видны ее длинные светлые волосы. Сэм услышала щелчок выключателя, потом еще один.

– Лампочка, наверное, перегорела, – сказал нежный девичий голос. Это же Анни, ее приходящая няня. – Испугалась, бедняжка? Тебе приснился страшный сон, да?

Сэм увидела, как Анни подошла к ней поближе, наклонилась. Услышала еще один щелчок, и тут же загорелась прикроватная лампочка в виде собачки Снупи. Собачка улыбалась ей: «Все хорошо, Сэмми!» Запрокинув молодое веснушчатое личико, няня смотрела в потолок, ее светлые волосы разметались по плечам. Девочка тоже взглянула вверх и увидела, что лампочка треснула. Из патрона торчали только осколки стекла.

– Как это случилось, Сэм?

Малышка молча разглядывала патрон.

– Сэм, ты меня слышишь?

– Это *он* ее разбил.

Анни нахмурилась:

– Кто, Сэм? Кто разбил лампочку?

Девочка услышала внизу громкие голоса, потом музыку. «Телевизор», – поняла она.

– Вынимала, – ответила Сэм. – Это Вынимала разбил лампочку.

– Кто? – Няня недоуменно посмотрела на свою подопечную, поправила бретельку ее вельветового комбинезона. – Что еще за Вынимала, Сэм? Кто это такой?

– А что ты смотришь?

– Что смотрю?

– Ну, по телевизору.

– А! Да фильм какой-то... не знаю названия – я уснула. Ой, да ты порезалась. У тебя осколки в волосах и на лбу. И на пальце. Стекло повсюду. – Анни покачала головой. – Я оставила свет включенным, и, похоже... – Она снова оглянулась. – Вероятно, лампочка взорвалась. Подожди, не двигайся. – И няня осторожно извлекла стекло из волос Сэм.

– А мамочка с папочкой еще не вернулись, Анни?

– Нет еще. Надеюсь, им там весело. – Она зевнула.

– Ты не уйдешь, пока они не вернутся?

– Нет, конечно. Но твои родители придут уже совсем скоро.

– А куда они уехали?

– В Лондон. На бал.

– Мамочка была похожа на принцессу, правда?

Анни улыбнулась:

– У нее очень красивое платье. Ну вот. – Она направилась к мусорной корзине, но по пути остановилась, подняла что-то с пола. – Осколки повсюду. Если будешь вставать, надевай тапочки. Я принесу совок и щетку.

Сэм услышала, как звякнуло стекло, падающее в корзину, а потом раздался резкий звонок в дверь. Малышка от неожиданности подпрыгнула в постели.

– Наверное, это твои родители вернулись. Должно быть, забыли ключи.

Сэм прислушалась: Анни спустилась по лестнице, потом открылась входная дверь. Она ждала услышать голоса родителей, но внизу царила странная тишина. Девочка подумала, что фильм по телевизору, наверное, уже закончился. Потом раздался щелчок дверного замка – и снова тишина. Наконец послышался тихий гул мужского голоса, – нет, это не папа. Затем зазвучал и другой мужской голос, тоже незнакомый. Удивленная и заинтригованная, Сэм выскользнула из кровати, подошла на цыпочках к двери и, прячась, выглянула с площадки вниз.

Анни разговаривала с двумя полицейскими – они стояли смущенно, держа фуражки в руках.

«Что-то случилось, – поняла Сэм. – Что-то очень плохое».

Она напрягла слух, но кто-то словно бы выключил звук, и она могла только видеть, как люди внизу беззвучно разевают рот.

Потом Анни отвернулась от полицейских и медленно, мрачно стала подниматься по лестнице, а те остались стоять внизу, все так же держа головные уборы в руках.

Няня посадила Сэм на кровать, укутала ее в одеяло, словно в шаль. Промокнула платком лицо девочки, вытащила из волос еще несколько осколков, положила их на прикроватный столик и уставилась на воспитанницу большими печальными глазами. И тут Сэм заметила на щеке у Анни слезу. Она никогда еще не видела, чтобы взрослые плакали.

Няня взяла руки малышки в свои, чуть сжала их, потом посмотрела на нее в упор и сказала:

– Сэмми, твои мама и папа попали в аварию. Они больше не вернутся домой. Они теперь... на небесах.

* * *

На протяжении следующих двадцати пяти лет мужчина в балаклаве ни разу не снился Сэм. Постепенно он стал смутным воспоминанием, чем-то из ее детства, вроде давно забытых игрушек, ржавых качелей или укромных уголков, которые теперь были застроены домами с аккуратными газонами. Она думала, что этот человек исчез навсегда.

Однако, как выяснилось, он про нее не забыл.

2

Сэм набрала на клавиатуре компьютера ряд цифр, а потом устало откинулась на спинку стула и закрыла глаза; в голове у нее гудело и стучало, словно пылесос, работавший в коридоре за дверью. Она посмотрела на часы. Двадцать минут седьмого. Среда, 22 января. Господи, как время летит. Только вчера, казалось, праздновали Рождество.

Она развернулась в кресле и посмотрела сквозь свое отражение в окне на тонкие струйки дождя, которые безмолвно падали в темноту быстро пустеющих улиц Ковент-Гардена. Это был самый мокрый из всех дождей: такой, кажется, хлещет на тебя со всех сторон, проникает под одежду, под кожу и даже словно бы обдаёт тебя брызгами с тротуара.

Да еще эти вечные сквозняки: от окна немилосердно дуло. Сэм втянула голову в плечи, потом потерла ладони одну о другую. Отопление отключили, и в кабинете стоял холод. Она посмотрела на лежавший рядом с монитором эскиз – раскадровку рекламного ролика. Первый кадр изображал морской берег с пальмами. На следующем из моря выбегали мужчина и женщина – оба красивые, в дорогих купальниках, и даже над загаром их, похоже, поработал дизайнер. Третий кадр: женщина пробует шоколадку, которую держит в руках мужчина. И подпись: «Шоколад „Сам по себе“». Эту плитку хочется съесть в одиночестве... или разделить с очень близким другом».

Убранство кабинета было простым: белые стены и черная офисная мебель. Только в углу пряталось какое-то чахлое растение, решительно пресекавшее все попытки Сэм заставить его зазеленеть в полную силу. Уж она и поливала его, и разговаривала с ним, и музыку ему ставила, и листья молоком мыла (после чего оно страшно воняло несколько дней), и подвигала его поближе к окну, и, наоборот, отодвигала подальше, – все тщетно. Правда, растение не засыхало настолько, чтобы можно было с чистой совестью его выбросить, но в то же время и не приобретало надлежащего вида, чтобы стоило держать его в кабинете. Клер, коллега Сэм, с которой они делили кабинет, сказала однажды, что это, наверное, домашнее растение, а не офисное. У Клер были довольно странные представления о многих вещах.

Стены кабинета пестрели графиками и фотографиями, тут и там виднелись стикеры с напоминаниями, что нужно сделать. А столов здесь было только два: ее собственный, где царил относительный порядок, и стол Клер, который был просто стерильно чист, абсолютно идеален, что действовало на нервы. Перед уходом Клер неизменно приводила свое рабочее место в безупречный вид, причем делала это с самодовольным выражением лица, словно бы давая понять, что одному богу известно, вернется она сюда снова или нет.

Сэм слышала приближение пылесоса по коридору – стук, грохот, жужжание – и зажмурилась, пытаясь прогнать из головы боль, которую с трудом отличала от воя пылесоса. Дверь открылась, и вой усилился тысячекратно. Сэм подняла голову, собираясь поздороваться с Розой, но вместо уборщицы в кабинет вошел ее босс, Кен Шепперд. Лицо Сэм растянулось в улыбке.

– Привет. Извините, что не пришел раньше, но тут у меня было... – Кен помахал правой рукой в воздухе, потом описал ею круг, словно разматывая клубок.

– Ничего страшного, – сказала она. – Я просто хотела узнать кое-что насчет шоколада «Сам по себе». Уточнить, кому вы поручите съемки рекламного ролика.

– Сэм, а что это вы такая бледная? Не простудились?

– Голова побаливает. Наверное, от этого монитора. Думаю купить для него защитный экран.

– У меня есть аспирин.

– Спасибо, не беспокойтесь.

Он подошел к ней, неутомленный мужчина лет сорока пяти, одетый как студент; сидящие волосы вечно взъерошены (интересно, босс вообще ходит когда-нибудь к парикмахеру?); лицо приветливое, но помятое, как и его джинсовая рубашка; пронизательные голубые глаза добродушно улыбаются. Кен остановился у стола Клер:

– Образцовый порядок, правда?

– Это камушек в мой огород? – усмехнулась Сэм.

– Как она вам?

Клер работала у них всего несколько недель. Ее предшественница Лара ушла без предупреждения. Просто как-то в понедельник не появилась на службе, а на следующий день прислала письмо, сообщавшее, что она, дескать, страдает от нервного перенапряжения и врач посоветовал ей сменить работу.

– У меня к ней претензий нет, – сказала Сэм. – Говорит она мало.

– Да, помнится, вы жаловались, что Лара слишком много болтает. А как Клер справляется со своими служебными обязанностями?

Сэм пожала плечами.

– И как прикажете это понимать? Так нравится вам, как Клер работает, или нет?

Она снова пожала плечами:

– Мне вначале казалось, что новенькая очень даже ничего... но... в общем, я не знаю.

– А по-моему, так Клер довольно толковая. Дадим ей время.

– Как прикажете, сэр!

Кен подошел к Сэм, встал рядом, просмотрел раскладку.

– Джонси, – сказал он. – Я хочу, чтобы съемками занялся Джонси. Свяжитесь с ним.

– А если Джонси не сможет?

– Я уже говорил с ним. – Кен прищурился, глядя на эскиз. – «Сам по себе». Веселенькое название для шоколадки.

– Я думаю, вполне подходящее.

Босс прочитал вслух:

– «Как и у кокосового ореха, у шоколада „Сам по себе“ все самое вкусное внутри».

Он сделал шаг назад, погладил живот, повторил фразу еще раз басом. Сэм рассмеялась.

– «Шоколад „Сам по себе“, – прогремел Кен. – Плитка, которая не тает на солнце... „Сам по себе“ – первая в мире предварительно переваренная еда. Вам даже не нужно ее есть – только купить и выбросить в сортир».

Сэм улыбнулась и покачала головой. Кен закурил, и от запаха табака ее мигрень усилилась. Она смотрела, как шеф вышагивает по кабинету, разглядывает графики на стенах, – на этот год уже заказано восемнадцать рекламных роликов, а в прошлом году они сделали сорок три. Кен брал по десять тысяч фунтов за каждый день режиссуры, и фирма получала проценты от стоимости продукции. Если бы ему не нужно было возвращать долги и платить жене алименты, он бы давно уже разбогател. А если бы Кен еще сдерживал свой характер и принашивался к быстро изменяющейся моде, то и вовсе стал бы миллионером.

– Надеюсь, вы собираетесь быть паинькой на завтрашней встрече? – поинтересовалась Сэм.

– Быть паинькой? – переспросил он.

– Да. – Она улыбнулась.

Босс кивнул, как непослушный школьник.

– На кону большие деньги, Кен.

– Смету уже составили?

– Как раз собираюсь распечатать.

Кен посмотрел на свои часы – стильные солидные часы для настоящих мачо, оснащенные шишечками и водонепроницаемые, способные выдержать погружение на глубину до пятисот метров (очень удобно при принятии ванны, заметила как-то Сэм). И предложил:

– Не хотите промочить горло?

– Нет, спасибо. Я сегодня собираюсь вернуться вовремя, чтобы успеть уложить Ники. А то вчера припозднилась.

– Да мы быстро.

– Что это вам вдруг так загорелось?

Кен сложил руку в кулак и ткнул большим пальцем вниз.

– Там открылась бильярдная. Собираюсь встретиться с двумя новыми ребятами из рекламного агентства «Лоу Говард-Спинкс». Бизнес прежде всего, – добавил он, заметив выражение ее лица.

– Скажите, какой бизнесмен! – поддразнила шефа Сэм.

* * *

«Дворники» видавшего вида «ягуара» преобразовывали дождь в прозрачную пленку на лобовом стекле, что лишь ухудшало видимость. Переживая, что Ники опять ляжет спать без нее, Сэм ехала быстро, напряженно вглядываясь в дорогу впереди. Миновала Тауэр, на зубчатых стенах которого повисла ярко освещенная взвесь дождя, затем Доклендс, сбросила скорость, свернув на Уэппинг-Хай-стрит, чтобы не слишком растряссти на брусчатке двадцатипятилетнюю старушку-машину. Проехала темный квартал строящихся домов, большой освещенный рекламный плакат, гласивший: «ОБРАЗЦОВЫЕ КВАРТИРЫ», а потом еще один: «ПРИБРЕЖНЫЕ ДОМА – ПРИБРЕЖНЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ». «Купи себе стиль жизни, – подумала она. – Мне, пожалуйста, фунт салями, два арбуза и стиль жизни».

Сэм проехала по темной улице – наверное, такая же темнота царила здесь и сто лет назад, – повернула направо и направилась мимо склада на неосвещенную парковку. Вышла из автомобиля, вдохнула маслянистый соленый запах Темзы, взяла с пассажирского места дипломат, тщательно закрыла дверь и под проливным дождем поспешила к дому, опасливо поглядывая на темные закоулки. Когда под напором усилившегося ветра неожиданно задрезжала металлическая ограда, Сэм испуганно вздрогнула.

Она поднялась по ступенькам на крыльцо, и тут же с сухим металлическим щелчком автоматически включился свет. Сэм набрала код на домофоне, вошла внутрь, закрыла за собой дверь. Ее шаги отдавались гулким эхом, когда она шла по каменному полу тускло освещенного вестибюля, мимо стальных подпорок, покрашенных в ярко-красный цвет, двух громадных дубовых бочек, установленных в нишах стены. Как ни крути, а невозможно скрыть, что это ныне жилое здание было когда-то громадным мрачным складом, построенным в стиле викторианской готики.

Сэм вошла в кабинку лифта, что означало ступить в темноту, поскольку свет зажигался только после того, как закрывалась дверь. До чего же внутри жутко. И как медленно движется лифт. Она прислонилась к стене кабинки, которая ползла на последний этаж, и подумала: «Хорошо еще, что у нас в доме всего пять этажей, а не двадцать пять, иначе за время подъема можно было бы успеть пообедать». Наконец лифт с рывком, который всегда чуть не сбивал Сэм с ног, остановился, и она, выйдя в коридор, направилась к своей двери, отперла ее и вошла в их громадную квартиру. Ники сломя голову бросился ей навстречу по коридору; рубашка выбилась из штанишек, светлые волосы падают на лицо.

– Мамуля пришла! Ура!

Она наклонилась, прижала сына к себе, и он тоже обхватил ее двумя руками, крепко поцеловал в обе щеки, а потом посмотрел на нее и торжественно сообщил:

- Я теперь инвестор.
- Да неужели, Тигренок?
- Да, инвестор! И у меня есть фортпель.
- Фортпель? – недоуменно переспросила Сэм.
- Ага! Я сегодня заработал три фунта.
- Целых три фунта? Какой молодец. И как же ты их заработал?
- Из фортпеля. Меня папа научил.
- Да что же это за фортпель такой?

Он взял мать за руку:

– Идем, я тебе покажу. – Ники посмотрел на нее, его большие голубые глаза сияли восторгом. – Мы рискуем.

– Ты рискуешь?

– Ага!

– Нужно говорить не «ага», а «да», дорогой.

– Ага, – подначил он маму, вырвал руку и побежал по коридору, на миг повернув голову. – Ага!

Сэм поставила дипломат, сняла пальто и пошла за сынишкой по громадному холлу, а потом по коридору в его спальню.

– Папа! Покажи маме, сколько денег мы заработали!

Ники стоял на красном ковре возле отца, который опустился на колени перед маленьким детским компьютером. Рядом в пепельнице дымилась сигарета, в одной руке муж Сэм держал стакан с виски, а другой стучал по клавиатуре. Высокий, крепкого сложения, Ричард Кертис даже на коленях производил впечатление великана, особенно в этой захлавленной детской. Он повернулся, посмотрел на жену и улыбнулся, словно бы спрашивая: ну что, у нас все по-старому?

– Привет, Багз. – Это было ее домашнее прозвище. Ричард почему-то считал, что жена похожа на мультяшного кролика Багза Банни.

Сэм несколько секунд смотрела на мужа: на его красивое какой-то старомодной красотой лицо, которое принадлежало скорее Голливуду сороковых, чем Лондону восьмидесятых, на его гладко причесанные волосы и розовую рубашку с расстегнутым воротом, на тугие подтяжки и брюки в тонкую полоску. Она смотрела на этого человека, которого так сильно любила прежде и который теперь казался ей чуть ли не чужим.

– Хорошо прошел день? – спросил он.

– Просто отлично. – Сэм наклонилась скорее ради Ники, а не по какой-либо иной причине, прикоснулась к щеке мужа своей, почувствовав его вечернюю щетину, и легким прикосновением губ изобразила поцелуй. – А у тебя как дела?

– Так себе. Рынок осторожничает.

– Покажи ей, папуля. – Ники возбужденно похлопал отца по спине.

– Мы сделали ему маленький портфель. Положили туда несколько акций, и я буду обновлять их каждый день в соответствии с рыночным курсом.

– Прекрасно, – безучастно произнесла она. – И кем же будет наш сын? Самым юным яппи в мире?

– Яппи-папи! – сказал Ники, подпрыгивая. – У нас есть белка.

– Не белка, Тигренок, а БЕЛК – Британская единая лесопромышленная компания.

По всей детской: на полу, полках и подоконниках – теснились игрушки, главным образом машинки. Ники обожал машинки. Обезьянка с двумя музыкальными тарелками стояла на подоконнике с таким видом, будто собралась прыгнуть вниз. Ричард еще постучал по клавиатуре, Ники внимательно наблюдал за ним.

Ники.

Их сын чувствовал, что между мамой и папой что-то произошло. У детей вообще очень развита интуиция, и мальчик понимал, что каким-то образом виноват во всем папа. Казалось, это еще больше сблизило Ники с Ричардом, если только такое было возможно.

Папочкин сыночек. Сэм чуть не умерла во время родов, но ее сыном по-настоящему Ники, похоже, так никогда и не станет. Вечно тянется к отцу. Эти двое всегда прекрасно ладили и были очень близки. Машины. Самолеты. Лего. Игры. Катание на лодке. Рыбная ловля. Пистолеты. А теперь еще и компьютер – отец подарил ему на Рождество детский ноутбук. Ричард всегда учил Ники. Он разбирался в его игрушках и знал, как в них играть. Ричард был его приятелем.

– Акции «Американ экспресс» упали на два с половиной пункта.

– Это значит, что мы потеряли деньги?

– Боюсь, что так.

– Ну во-о-от.

– Пора принимать ванну, Ники.

– Можно поиграть еще немножко?

– Нет, ты и без того уже опоздал. Давай напускай воду. А мама пойдет переодеться. –

Сэм вышла из комнаты и увидела няню Ники – та выходила из кухни.

– Привет, Хелен.

– Добрый вечер, миссис Кертис, – смущенно ответила вечно неуверенная в себе Хелен.

– Все в порядке?

– Да, спасибо. У Ники в школе все хорошо. Учителя им довольны, говорят, мальчик делает большие успехи в арифметике.

– Ну, это Ники явно пошел в отца – у меня к математике нет ни малейших способностей.

Сэм вошла в их спальню и ощутила тот же холод, что и в кабинете на работе; холод, казалось, преследовал ее повсюду. Она вперила взгляд в висевшую на стене картину в ярких теплых тонах, изображавшую полулежащую обнаженную женщину с большой грудью и жестким кустиком волос на лобке. Эту хитро улыбающуюся красотку Сэм видела каждое утро. Ричарду нравилась эта женщина, это он настоял на том, чтобы ее тут повесить. Сэм села на кровать с четырьмя столбиками, сняла туфли, потом ненадолго прилегла. С зеркальной панели сверху на нее смотрело собственное отражение: мокрые от дождя волосы прилипли к голове, лицо слишком бледное, просто белое. Зеркала были в спальне повсюду. Ричард был просто на них помешан.

Сэм снова перевела взгляд на обнаженную женщину. Не так ли выглядела и девица из его офиса? Та шлюха, с которой Ричард уединился в отеле в Торки? Может быть, у нее тоже были большие сиськи и хитрая улыбка?

«Вот сука», – подумала Сэм. Злость закипала в ней, смешиваясь с грустью. А ведь раньше все было так хорошо. Отлично, просто великолепно. Надежный мир, налаженный быт. Счастливые времена. Все шло прекрасно, пока...

Пока ей не стала известна горькая правда. И вот тут-то из Сэм словно бы вытащили заглушку, и все ее эмоции прорвались наружу.

* * *

Сэм присела на краешек маленькой кровати Ники, принялась листать лежавшую на прикроватном столике книгу – «Королевство ночных грязнуль».

– Почитать тебе?

– Нет. – Сын обиженно посмотрел на нее. – Лучше расскажи мне что-нибудь. Ты так хорошо рассказываешь.

Она оглядела комнату:

– Ты мне обещал навести тут порядок. А то все подарки, что ты получил на Рождество, поломаются.

Сэм встала, подошла к приоткрытой двери шкафа, открыла ее еще больше. Из шкафа выпал пластмассовый самолет, хвост у него отломился и отлетел в сторону. Ники, казалось, вот-вот заплачет.

– Вот ведь как глупо получилось. Кто же его туда так неаккуратно положил?

Мать опустила на колени.

Ники молчал.

– Это ты?

Мальчик поджал губы.

– Может быть, завтра папа сумеет тебе его починить. – Она подняла обломки самолета с пола, положила их на стул, потом села рядом с сыном.

– У меня в воскресенье день рождения, да, мамуль?

– Да, Тигренок.

– И я опять получу подарки?

– Если не наведешь здесь порядок, то нет.

– Я наведу порядок. Обещаю.

– К тому же на Рождество тебе и так очень много всего подарили.

– Но Рождество было сто лет назад!

– Прошло лишь четыре недели, Тигренок.

На лице Ники появилось расстроенное выражение.

– Это несправедливо.

Видя, как сын расстроился, мать погладила его по щеке:

– Да будут у тебя новые подарки, будут.

«Взятка – вот как это называется. Я покупаю его любовь. Покупаю любовь собственного ребенка».

– Ур-р-ра! – Он возбужденно замолотил руками по краям кровати.

– Ну-ка, давай пока успокойся. Сегодня среда. Еще четыре дня осталось.

– Три.

Сэм рассмеялась:

– Ну хорошо. Три с половиной.

Головная боль у нее немного прошла.

Ники надул щеки, скорчил гримасу, погрузился в подсчеты, загибая пальцы.

– Три с четвертью. А теперь расскажи мне сказку. Про драконов.

– Про драконов я тебе уже рассказывала. Вчера.

Он с надеждой приподнялся на подушке, заморгал большими голубыми глазами.

– Ну, мамочка, сделай вид, что ты не закончила. Давай, будто дракон ожил и теперь гоняется за человеком, который его убил.

– Ну хорошо. В давние времена в стране, которая называлась Ники-Здесь-Нет, жил один ужасный человек.

– А почему он был ужасный?

– Да вот такой уж уродился.

– А как он выглядел?

– Ужасно-преужасно.

Мальчик улегся поудобнее и уснул, не дослушав. Но когда мать встала, тут же открыл глаза. Она наклонилась и поцеловала его:

– Спокойной ночи, Тигренок.

– Но ты же не досказала сказку!

Его слова застали Сэм врасплох. До чего же детишки сообразительные. Да уж, им палец в рот не клади.

– Завтра доскажу. Договорились?

– Договорились, – пробормотал он сонным голосом.

– Пока-пока.

– Пока-пока, мамочка.

– Свет оставить или выключить?

Он ответил не сразу:

– Оставь, пожалуйста.

Мать послала ему воздушный поцелуй и тихо закрыла за собой дверь.

* * *

Она смотрела, как Харрисон Форд на телевизионном экране танцует с Келли Макгиллис в свете фар своего побитого фургона. Слезы навернулись Сэм на глаза при мысли о том, что она – или они – потеряли. Обо всем том, что ушло и уже никогда не вернется.

Ричард, ссутулившись, сидел на диване, рядом с ним стоял стакан с виски, наполненный на неизменные четыре пальца, а чуть дальше – почти пустая бутылка «Тичера». В дальнем углу камина потрескивало полено, но Сэм проняла дрожь – с Темзы через многочисленные зеркальные окна потянуло холодом.

Свет в комнате был приглушен – горели всего две лампы, да с той стороны реки, из Блумсбери, проникало оранжевое мерцание уличных фонарей. Сэм отвернулась от телевизора, направилась к длинному дубовому столу и принялась расставлять на нем красные бокалы для вина.

– Сколько всего, Ричард?

– А?

– Я спрашиваю, сколько ставить бокалов? Я накрываю стол на завтра.

– Нас будет одиннадцать человек.

– И по сколько бокалов каждому? – чуть раздраженно поинтересовалась Сэм.

– По три. У нас будет шабли и кларет. «Фолатьер» восемьдесят третьего года, «Филипп Леклерк», потом «Калон-Сегюр» шестьдесят второго. На этом мои запасы шестьдесят второго года кончаются. И еще сотерн – очень хороший – «Куте де Барсак» семьдесят первого. – Ричард взял стакан с виски, выпил половину, закурил сигарету. – Люблю фильмы с Харрисоном Фордом, – сказал он, глядя на экран. – Да, чертовски хорошее вино. – Он допил виски, аккуратно прижал четыре пальца к основанию, налил остатки из бутылки. – Шабли тебе понравится.

– Не сомневаюсь, – ответила Сэм.

– Арчи знает толк в винах. Пьет только первый сорт. Бутылку за триста фунтов на ланч. Лафиты и всякое такое. Просто шик! Арчи тебе понравится. Он хороший парень.

– Думаю, нужно поставить также и стаканы для «Перье». Минералки все захотят. – Она посмотрела на мужа, но он снова был захвачен действием на экране. – А портвейн ты будешь подавать?

– Да.

– Тогда я и бокалы для портвейна тоже поставлю.

– А уж какой он крутой игрок, этот Арчи.

– Значит, ты с ним сыграешь.

– В Сити, Сэм. Он крутой игрок в Сити.

– Может, он и Ники чему-нибудь научит.

Сэм направилась к серванту в углу, достала еще бокалы. На улице завывал ветер, швырял черную воду Темзы на пирсы внизу, сотрясал оснастку яхт. Она видела отраженное мерцание света в волнах, темные корпуса лихтеров, стоявших на якоре посреди реки.

«Ну и погодка», – подумала Сэм и, взяв поднос, понесла его к столу.

– И этот твой знаменитый Андреас тоже будет?

– А? Ага.

Ричард поудобнее устроился на диване, глотнул виски.

– Значит, наконец-то я с ним познакомлюсь. Забыла, как его фамилия?

– Беренсен.

– У него есть жилье в Лондоне?

– Нет, он только по делам сюда приезжает.

– Из Швейцарии? А чем именно он занимается? Он вроде банкир, да?

Ричард почесал затылок:

– А? Что? Ага, банкир.

– Настоящий швейцарский гном?

– Гном? – Ричард хмыкнул. – Вообще-то, он довольно высокий.

– Получается, он теперь самый крупный твой клиент?

– Угу. Вроде того.

Сэм нахмурилась, подумав, что Ричард отвечает как-то слишком уклончиво.

– А как у тебя на работе? – спросил муж.

– Дел по горло. По-хорошему, мне бы надо там еще сидеть.

– Этот тип – Кен – нагружает тебя выше крыши. Столько поездок – чистое безумие.

Ты слишком много ездешь, Багз, ты это понимаешь?

Ричард отвернулся.

Его лицо, прежде всегда такое свежее и подтянутое, за последнее время осунулось, покрылось морщинами, и он выглядел гораздо старше своих тридцати трех лет. В мерцающем свете телеэкрана и пламени из камина это лицо вдруг привиделось Сэм таким, каким оно будет в старости: когда у Ричарда закончатся жизненные силы, он начнет сморщиваться и сдуваться, как упырь из ужастика. Это напугало ее. Сэм боялась старости.

– Мне необходимо ездить, такая уж у меня работа.

Он отпил виски на два пальца и снова от души затянулся сигаретой. Запах табака дразнил ее, она жалела, что бросила курить, и злилась на собственную слабость.

– Я думаю, ты слишком мало времени проводишь с Ники, – заявил муж.

– Я и так провела с ним целых три года, Ричард. Я ради сына пожертвовала карьерой.

Он наклонился, погасил сигарету.

– Это был твой выбор, дорогая.

– Наш выбор, – сказала она. – Я пожертвовала тремя годами. А чем пожертвовал ты? Может, теперь твоя очередь?

– Не говори глупостей.

– Никакие это не глупости.

– Багз, я не возражаю против твоей службы, но то, что ты делаешь, чистое безумие. Ты пашешь днем и ночью, приносишь работу домой, постоянно мотаешься по всей Европе, скачешь с одного самолета на другой. Тебя вечно нет дома. Франция. Голландия. Германия. Испания. Болгария. В прошлом году ты только в Болгарию летала шесть раз! Боюсь, ты уделяешь Ники слишком мало времени. Пренебрегаешь своими материнскими обязанностями.

Злость, которая нарастала в ней, вдруг сдулась, словно прокололи шарик, и Сэм почувствовала себя виноватой. Разом поникнув, она опустилась на стул возле стола, словно бы услышав какой-то мучительный отзвук из прошлого.

Она подумала о своем детстве, о том, как жестоко обошлась с ней жизнь. Вспомнила, как поначалу была счастлива в браке, настолько счастлива, что на время позабыла все горести детских лет. А вдруг она забыла слишком многое? Может быть, не только дети могут чувствовать себя заброшенными и ненужными, но и взрослые тоже? Может быть, именно поэтому все и случилось?

3

– Мне кажется, что-то не так.

– Что именно?

– Не пойму.

До Сэм доносились голоса, тихие, неразборчивые, приглушенные, словно бы она услышала несколько случайных реплик, выхваченных из разговора в другом углу комнаты на шумной вечеринке. Она напряглась. Повернулась, вытянула шею над спинкой своего кресла, пытаясь понять, откуда до нее донеслись эти голоса, но мужчина и женщина, сидевшие за нею, спали. Она прислушалась: ничего, кроме гула двигателей, напоминавшего отдаленное журчание воды в раковине. Потом характер шума изменился, и она почувствовала, как самолет пошел вниз, навстречу тучам.

Обычно полеты не вызывали у нее неприятных эмоций, но сейчас Сэм вдруг занервничала. Она беспокойно посмотрела на следы дождя на стекле иллюминатора и серые тучи за окном. Лайнер заходил на посадку. Руки стали мокрыми от пота, и Сэм вдруг поняла, что дрожит.

Ей захотелось повернуть время вспять, не садиться в этот самолет вообще. Дурацкая поездка, в ней не было особой нужды, подумала она. Правильно Ричард говорил, она то и дело скачет с одного самолета на другой. Вот и допрыгалась. Летает чартерными рейсами, чтобы не вводить Кена в лишние расходы. Кто-то ей говорил, что чартерные рейсы опасны. «Немедленно прекрати, Сэм, – сказала она себе. – Успокойся».

Раздался звуковой сигнал, и перед ней загорелось табло «Не курить». Потом послышался еще один сигнал, условно музыкальный, как звук в лифте, сообщающий, что ты добрался до нужного этажа. Дин-дон. Этот звук резал ей слух.

– Говорит капитан Уолкер. – Его компанейский тон тоже был ей неприятен. Послышались гудение, скрежет и громкий щелчок. – Мы начали снижение и рассчитываем быть в аэропорту Софии через двадцать минут. В Софии холодно – плюс один градус по Цельсию и идет снег. Надеемся, что полет вам понравился и что ваше пребывание в Болгарии будет приятным. От имени экипажа хочу поблагодарить всех вас за то, что вы выбрали «Чартэйр». До новых встреч!

Голос пилота звучал устало, по-военному – типичный отставник королевских ВВС. Наверняка ему приходилось делать над собой усилие, чтобы говорить дружеским тоном, делать вид, что его не утомил чартерный рейс, что перевозка очередной партии туристов на дешевый курорт не нагоняет на него тоску.

Над сиденьем впереди появилась голова маленькой девочки.

– Привет, – произнесла она.

– Привет, – ответила Сэм.

Голова девочки исчезла, до Сэм донеслось хихиканье.

– А я сказала «привет» тете, которая сидит сзади!

Пот струился по лицу Сэм, к горлу подкатывала тошнота. Она отстегнула ремень, перелезла через пустое кресло рядом и на нетвердых ногах пошла по проходу к туалету, придерживаясь за спинки кресел, чтобы не пуститься бегом. Она опасалась, что стюардессы остановят ее, но они разбирали товары, приобретенные в зоне дьюти-фри, и ничего не видели.

Продолжая дрожать, Сэм добралась до передней части самолета и с удивлением увидела, что дверь в кабину экипажа открыта. Установилась на оранжевые циферблаты, на командира корабля и второго пилота, которые в белых рубашках сидели на своих местах.

Второй пилот повернул голову к капитану, и Сэм отчетливо услышала его голос:

– Дерек, тут явно что-то не так.

Капитан щелкнул переключателем перед собой и заговорил громко, внушительно:

– Говорит «Чартэйр» шесть-два-четыре. Пролет точки начального этапа захода на посадку.

В ответ сквозь треск раздался голос, резкий, металлический, с сильным акцентом:

– «Чартэйр» шесть-два-четыре. Говорит диспетчерская Софии. Подтверждаем пролет точки. Полоса два-один. Видимость всего двести метров – проверьте ваш посадочный минимум.

– Диспетчерская Софии. Говорит «Чартэйр» шесть-два-четыре. Подтверждаю полосу два-один.

Капитан подался вперед и проверил показания приборов. Второй пилот оглянулся. Она увидела его озабоченное лицо, словно бы скованное ледяной пленкой.

Динамик затрещал снова, она услышала взволнованный голос:

– «Чартэйр» шесть-два-четыре. Видим вас на радаре. Вы летите слишком низко. Повторяю: слишком низко. Немедленно наберите высоту семь тысяч футов.

– Мы и так на семи тысячах футов, – устало, но подчеркнуто спокойно ответил капитан. Небось подумал: «Неужели авиадиспетчер заразился тем же иррациональным страхом, что и второй пилот?»

– Мы видим вас на радаре, – настаивал диспетчер. – Ваша высота четыре пятьсот. Проверьте установку вашего высотомера. – Его голос от возбуждения и паники задрожал. – Набор высоты. Немедленно! Заход на посадку прекратить. Повторяю: прекратить заход на посадку!

– У меня оба высотомера показывают семь тысяч футов. Проверьте отметку высоты на вашем радаре. – В спокойном голосе капитана сквозило раздражение.

– Набирай высоту, Дерек! – прокричал второй пилот. – Там же горы, черт побери! Что ты творишь? Набирай высоту, тебе говорят!

– Все в порядке. Высота рельефа пять тысяч.

Дверь туалета перед Сэм со щелчком распахнулась, и она увидела человека в черной балаклаве с прорезями для глаз и рта.

Она отпрянула, а он зажал ей рот рукой в черной перчатке; ее голова откинулась назад, больно ударившись о перегородку. Сэм ощутила запах кожи, новой, свежей кожи, дернула головой, пытаясь освободиться, попробовала закричать, вырваться, почувствовала спиной какой-то рычаг, и тут кожаная перчатка снова накрыла ее лицо. Она погрузилась в темноту, раздался страшной силы хлопок, послышалось шипение воздуха, а потом ее вдруг выкинуло из самолета, бешено закружило в потоках воздуха. Сэм услышала оглушительный рев ледяного ветра и двигателей, крутящихся в сумасшедшем вихре; она падала, падала, падала в бесконечную, казалось, темноту.

Потом темнота куда-то исчезла, и Сэм, словно в воде, поплыла в серой туче, она могла грести руками и двигаться сквозь нее. Она и двигалась, плыла без всяких усилий, пока не увидела вдали серебряный «боинг»: туча вихрилась вокруг него, вилась, словно лоза, а он влетал в темную громаду перед собой, которая по цвету почти не отличалась от тучи.

Сначала Сэм не слышала ничего. Самолет, казалось, слишком долго врезался в твердую стену горы, и на мгновение у нее мелькнула мысль: уж не игра ли это ее воображения? Может быть, никакая это вовсе и не гора, а просто туча такой странной формы? Но потом хвостовая часть самолета отвалилась и, кувыркаясь, полетела вниз. Она ударилась о гору, и что-то выплеснулось из нее вверх, словно шампанское из бутылки. Сэм сообразила, что это багаж. К горлу подступила тошнота.

Хвост ударился о гору еще раз, подпрыгнул, медленно описал дугу. Поток чемоданов ударился о то же место, его отбросило под тем же самым углом, вот только теперь некоторые из чемоданов раскрылись, оставляя за собой шлейф из трепещущей одежды.

Сквозь одежду пролетел одинокий пассажир, пристегнутый к сиденью, за ним второй, третий: они летели, размахивая руками, словно куклы, которых выкидывают на пол из шкафа в детской.

Раздался грохот, и в небо взметнулся огненный шар. К танцу на склоне горы присоединился какой-то ярко горящий предмет, разбрасывающий искры в серую муть вокруг. Двигатель. Он врезался в снег внизу, послышалось громкое шипение. Сэм рассмотрела рядом на белом снегу темный обрубок хвоста. Верхушка хвостового стабилизатора согнулась под прямым углом, и четко было видно слово «Чартэйр», а также часть эмблемы в виде прыгающего тигра и буквы: «Г», «З», «Т», «А» и «Е».

А потом наступила пугающая тишина. Вокруг нее клубилось облако, потом земля пропала из вида, и Сэм не могла сказать, лежит ли она лицом вверх или вниз. Паника стала охватывать ее. Она хотела увидеть Ники, схватить сынишку, прижать его к себе. Она хотела обнять Ричарда, сказать мужу, что ей жаль, что все так вышло, что она простила его и впредь больше не будет работать как сумасшедшая. «Где ты, Ричард?»

Сэм перевернулась, потом еще раз, попыталась вырваться из холодных серых щупалец, которые оплели ее. «Отпустите меня. Пожалуйста, отпустите меня, я хочу увидеть их. Всего на пять минут. Пожалуйста. Дайте мне всего лишь пять минут».

Щупальца сомкнулись вокруг нее.

«Отпустите меня!»

Воздух стал теплым, удушливым, дышать было тяжело.

– Отпустите меня! – отчаянно закричала Сэм. Она принялась молотить кулаками, крутиться, извиваться всем телом.

И вдруг почувствовала на лице холодный ветерок.

– Багз?

«Это голос Ричарда», – недоуменно подумала она.

– Эй, Багз!

Она увидела неяркий свет и Ричарда, который стоял рядом с ней в полосатой рубашке и боксерских трусах с восточным орнаментом.

Все выглядело иначе. Свет был другой. Циферблат подмигивал ей, оранжевый, как и в самолете: 05:00; 05:00; 05:01.

– Что с тобой, Багз?

Муж склонился над ней.

– Да что с тобой, Багз? – снова спросил он.

Она покачала головой:

– Ничего... Я...

Ричард нахмурился, принялся сражаться с расстегнутым рукавом рубашки, потом Сэм услышала тихий хлопок – это запонка пробила крахмальную пленку на петлице в манжете. Золотые запонки с его инициалами с одной стороны и семейным гербом – с другой. Ее свадебный подарок Ричарду. Эти запонки лежали в бордового цвета коробочке и стоили двести шестнадцать фунтов. Странно, какие подробности хранятся в мозгу. Сэм посмотрела на обнаженную женщину на стене, на свое собственное лицо в зеркале над кроватью, на свет, проникающий в спальню из ванной.

– Всего лишь сон, – сказала она. – Мне приснился страшный сон.

– Ты издавала жуткие звуки. Просто душераздирающие.

Ричард повернулся к настенному зеркалу, завязал галстук. Когда он затягивал его потуже, Сэм показалось, будто чья-то рука сжимает ей горло. Страх проступал наружу сквозь ее кожу, висел вокруг, наполнял комнату. Черная балаклава с прорезями бросилась на нее из-за двери, зажала рот черной кожаной перчаткой. Сэм пробрала дрожь.

Ричард натянул брюки, отстегнул красные подтяжки, надел серебряные резинки, поддерживающие манжеты. Сэм прежде, когда они еще только начали жить вместе, любила смотреть, как он одевается. Ричард был очень разборчив в одежде. Рубашки с двойными манжетами, брюки с пуговицами для подтяжек. Настоящие брюки – так он их называл. Ей вдруг захотелось обнять мужа, почувствовать его, убедиться, что он настоящий, все еще здесь, что ее мир в целости и сохранности.

Но тут вдруг отвращение переполнило ее – она все вспомнила и сразу отпрянула в кровати подальше от Ричарда, и ее сотрясла внезапная судорога... страха?

– Что тебе снилось?

– Да так... ерунда. Просто ночной кошмар.

«Ты боишься рассказать о своем сне, – подумала Сэм. – Боишься, что, если расскажешь...»

– Ну ладно, мне надо бежать.

Муж нагнулся поцеловать ее. Сэм ощутила аромат кокосового шампуня, исходивший от его влажных волос, вдохнула сладковатый запах его лосьона после бритья – «Пако Рабан». А затем ее обдало сильным запахом съеденного вчера вечером чеснока – даже мятная зубная паста не помогла. Она ощутила щекой мягкий влажный поцелуй.

– Трудный тебе сегодня предстоит день? – спросила Сэм, чтобы задержать его еще немного.

– Ага. У меня такое чувство, что японцы вот-вот слетят с катушек.

– Не задерживайся. Было бы очень мило с твоей стороны помочь мне подготовиться сегодня вечером к приему гостей.

– Господи боже, ну конечно. Я чуть не забыл про завтрашний обед.

– Это же для твоих клиентов, Ричард.

– Ладно, я вернусь пораньше.

Входная дверь открылась, потом снова захлопнулась. Сэм закрыла глаза, но тут же открыла их снова – побоялась, что уснет. Посмотрела на часы: девять минут шестого. Через четверть часа Ричард уже будет сидеть у себя в офисе за столом и разговаривать по телефону с Токио. Проводить сделки. Индекс Никкей. Биржевые игры с обыкновенными акциями, облигациями, опционами, фьючерсами, курсом валют. Столько переменных. Полнейшая непредсказуемость. Ричард однажды рассердился на жену, когда та сказала, что его работа похожа на работу крупье в казино, где обирают клиентов.

Открылась дверь, и, сонно шлепая, появился Ники.

– Привет, Тигренок. Ты чего это сегодня так рано поднялся?

– Не могу уснуть.

Она протянула руку, взъерошила сыну волосы. Мягкие, настоящие. Он чуть подался назад, потом снова ткнулся головой под ее руку.

– Поцелуй мамочку.

Влажный поцелуй. Маленькая версия Ричарда.

– Почему ты не можешь уснуть, Тигренок?

– Страшный сон приснился.

– О чем?

– О страшном дядьке. Монстре.

Сэм села, обняла сынишку.

– Это потому, что я рассказывала тебе о нем сказку, да?

Ники мрачно кивнул. Иногда он становился необычайно серьезным ребенком. Тщательно все обдумывал.

– И он меня съел.

Сэм посмотрела на мальчика: вид у него был испуганный.

– Ты наверняка показался ему вкусным.

Сынишка топнул ногой по ковру:

– Не шути. Это не смешно.

– Мамочке нужно собираться на работу. Хочешь поспать в нашей кровати?

– Нет.

Ники направился к двери, шаркая тапочками по полу. Когда он ушел, она вновь увидела самолет, бесшумно врезающийся в неприступную стену горы. Потом у самолета отвалился хвост. Начал вываливаться багаж. Взрыв и огненный шар. Сэм поднялась и на нетвердых ногах пошла в ванную, дрожа от этих видений, от холодного воздуха, от темной тучи предчувствия, нависшей над ней.

«Просто дурной сон. Забудь его».

Она услышала, как тарахтит за окном баркас, поднимающийся по реке; низкий, равномерный, ритмичный звук мотора.

А потом вдруг поняла, что никакой это не баркас. Это стучит ее сердце.

4

Сэм сидела в приемной компании «Уркхарт Симеон Макферсон». Рядом на диване лежала папка с эскизом рекламного ролика шоколада «Сам по себе». Она смотрела на Кена, который беспокойно выхаживал перед ней, засунув руки в карманы потертого кожаного пальто, накинутаго на джинсовую куртку и джинсы; его тщательно начищенные черные ботинки блестели. Такой уж у шефа был стиль: довольно неряшливая одежда, но всегда безукоризненная обувь.

В дверь, болтая, вошли две девицы, кивнули вахтеру и зашагали по коридору. Появился курьер в шлеме с надписью «Рэнд Райдерс», положил на стойку пакет и остановился, ожидая, когда получатель распишется; кривоногий, в кожаной одежде в обтяжку, он напоминал какое-то диковинное насекомое из космоса.

Кен сел на подлокотник дивана, наклонившись к Сэм.

– Как настроение?

– Я в порядке, – ответила она.

– У вас немного напряженный вид.

– Я в порядке, – повторила она. – Когда приходится ждать, снова чувствуешь себя как в школе. Словно бы вот-вот появится учитель.

Он вытащил из кармана пиджака пачку «Мальборо», вытряхнул из нее сигарету. Щелкнул потертой зажигалкой «Зиппо», глубоко затянулся, провел рукой по волосам.

– Ох уж эти производственные совещания, – мрачно произнес он.

Сэм улыбнулась:

– Я знаю, вы их не любите.

– Этот составитель рекламных текстов – Джейк-как-его-там, – у меня от него мурашки по коже.

– А по-моему, нормальный парень, – сказала Сэм.

– У вас от него тоже мурашки?

– Нет.

– Но ведь что-то с вами сегодня явно не так. – Кен вопросительно посмотрел на нее.

– Может, немного устала. Не выпалась.

– Какие планы на выходные?

– У Ники в воскресенье день рождения.

– Сколько ему исполняется, шесть?

Сэм кивнула.

– Много гостей позвали?

– Девятнадцать человек. Будем смотреть фильмы Чарли Чаплина и представление «Панча и Джуди».¹

– Придут все его умненькие маленькие друзья, да? – Кен откинул назад голову и, глядя на кончик своего носа, проговорил, тщательно имитируя старомодное аристократическое произношение: – Руперт... Джулиан... Генриетта. Доминик, Хеймиш, Иниго и Шарлотта?

– И почтенная Сара Гамильтон-Дили.

– Да ну? Почтенная Сара Гамильтон-Дили? Похоже, веселье вам предстоит на славу. – Он погладил подбородок и произнес уже обычным тоном: – Надеюсь, вы не забудете про меня, питающегося в дешевой столовке вместе с прочими бродягами?

¹ «Панч и Джуди» – традиционный уличный кукольный театр, центральными персонажами которого являются две куклы: Панч и его жена Джуди. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Сэм ухмыльнулась, потом увидела в его глазах печаль. Она иногда спрашивала себя: нравится ли шефу независимое холостяцкое существование, или же он не прочь снова жениться и обзавестись детьми? Она вдруг поняла, как плохо знает частную жизнь Кена Шепперда. Здесь, среди профессионалов, он чувствовал себя как рыба в воде, однако в глубине души, похоже, стремился оказаться где-то в совершенно ином месте, хотел заниматься чем-то другим, уйти от этой извечной дребедени и показухи. Человек, попавший в западню собственных ошибок и успехов.

– Так и быть, оставлю вам конфитюр.

– С шоколадным пупсиком внутри?

– Конечно.

Кен окинул взглядом потолок и стены помещения, в котором они сидели.

– Прямо скажем, дрянная комнатенка. Вы знаете, какая у них была прибыль в прошлом году?

– Сорок два миллиона.

– А они даже не могут сделать себе приличную приемную.

Сэм посмотрела на стол, заваленный журналами и газетами. «Кампейн». «Маркетинг». «Медиа уик». «Таймс». «Индепендент». «Файнэншл таймс». В ковер был вплетен логотип агентства – последовательно уменьшающиеся концентрические квадраты: словно бы на экране телевизора, одна картинка в рамочке помещается внутри другой – и так до бесконечности. Гигантская версия этого же логотипа красовалась сзади на стене – в окружении рекламных плакатов, всевозможных оберток и упаковок. В лакированной туфельке из дорогой кожи на ноге девочки отражался «феррари». Мужчина держал в руке зубную щетку и ослепительно улыбался, демонстрируя здоровые зубы. Жестянка со старомодным рисовым пудингом возвышалась на несколько футов – стиль Уорхола.

– Я думаю, тут все тщательно продумано, – заметила Сэм.

– Извините, что задержал вас, – сказал Чарли Эдмундс, входя в приемную. Долговязый, с копной небрежно причесанных светлых волос, в трикотажных брюках, удобных туфлях и модной рубашке, он напоминал школьника-переростка.

«Господи боже, – подумала Сэм, – ну почему молодежь изо всех сил стремится выглядеть старше? Вон Чарли пытается вести себя солидно, словно сорокалетний. А сорокалетние, наоборот, отчаянно хотят скинуть лет двадцать и вернуться в юность».

– Сэм, рад вас видеть. Кен, хорошо выглядите.

Они пошли следом за Чарли по лестнице, он провел их по коридору в комнату без окон, со стенами, обитыми голубой материей, длинным синим столом скандинавской древесины и стульями того же цвета. На столе лежали открытый органайзер, несколько цветных набросков и фотографий, а в самом центре – плитки шоколада «Сам по себе»: название было написано голубыми буквами на обертке из серебряной фольги. В помещении пахло свежим деревом, монотонно гудели отопительные приборы.

– Остальные сейчас подойдут, – сказал Чарли. – Извините, что позвал вас практически без предупреждения, но мы очень заинтересованы в этих рекламодателях, а они решили спешно продвигать свой продукт, так что времени у нас в обрез. – И, словно желая подчеркнуть сказанное, он бросил взгляд на свои элегантные часы «омега».

Сэм тоже посмотрела на свои часы, потом на абстрактную картину на стене, несомненно исполненную глубокого внутреннего смысла; в компании «Уркхарт Симеон Макферсон» вообще не было ничего случайного, вот только этот смысл ускользал от нее. Цвета почему-то смутно напоминали ей унылый антураж гостиницы «Холидей инн».

Тут дверь открылась, и вошли двое мужчин. Один, лет двадцати пяти, был невысок, тощ, как водопроводная труба, и вид имел воинственный. На нем были блестящие зауженные брюки и черная рубашка без воротника, а сверху наброшен черный мешковатый пиджак.

Темные волосы, спереди коротко подстриженные, сзади свисали длинной гривой, а лицо у парня было такое вытянутое и худое, словно его сплющило дверями лифта. Его нос, тоже необычайно длинный и тонкий, казалось, удерживался на лице при помощи глаз, расположенных очень близко друг к другу. Второй мужчина, чуть постарше, был одет в мешковатый белый костюм, волосы на висках у него были подстрижены под машинку, а на макушке росли довольно густо. На носу у него сидели круглые старушечьи очки, он был несколько более упитанным и вообще выглядел не столь экзотически.

Сэм уже приходилось встречаться с этой парочкой. Они всегда напоминали ей пока еще никому не известных поэтов-битников.

– Джейк, Зурбик, вы знаете Сэм и Кена, – сказал Чарли.

Они обменялись кивками. Зурбик, арт-директор, искренне улыбнулся, пожал им руки, поправил очки. Джейк, автор текстов, чуть кивнул, он весь излучал серьезность и поглядывал на гостей с осознанием собственного превосходства.

Они сели, и Сэм положила раскладовку на стол, открыла портфель, вытащила органайзер и папку с расчетами.

– Итак, – сказал Чарли, – вы... гмм... оба видели раскладовку... – Он наклонился и взял плитку шоколада «Сам по себе». – И... гмм... рекламируемый продукт тоже. – Казалось, он нервничает в присутствии двух других сотрудников.

Сэм взяла со стола карандаш и принялась легонько постукивать им по фирменному блокноту с логотипом «Уркхарт Симеон Макферсон» – такие блокноты были положены перед каждым из них.

– Что там у нас с бюджетом, Сэм?

– Слегка превышен. – Она вытащила из папки лист бумаги и передала его Чарли.

Он быстро просмотрел распечатку, потом кинул взгляд на итоговую цифру:

– Так, понятно, нет вопросов. Это они вполне потянут. Придется также включить в расходы аренду одного гостиничного номера категории «люкс».

– Для кого люкс? – поинтересовался Кен.

– Для директора по маркетингу «Гранд спей фудс». Он нормальный парень, Кен, – тут же добавил Чарли. – Не доставит вам никаких хлопот. Я думаю, он обзавелся пассией. – Чарли улыбнулся. – Вы его почти не будете видеть.

Кен неопределенно хмыкнул.

Сэм увидела, что щедушный Джейк сидит, положив руки на стол, словно ждет, когда его покормят. Парень столь пренебрежительно поглядывал на Кена, что нетрудно было догадаться, о чем он думает.

«Ты старый пердун, – выразительно говорил его взгляд. – Нам нужен режиссер помоложе».

– Вам ведь уже приходилось снимать на Сейшелах? – спросил Чарли у Кена.

Тот кивнул.

Эдмундс предупреждал Сэм, что Джейк настроен против Кена, поскольку хочет работать с каким-то двадцатичетырехлетним режиссером, которого считает гением.

– Ну и как там?

Кен посмотрел на Джейка:

– О, на Сейшелах полно ядовитых пауков. Там также водятся гремучие змеи и здоровенные сухопутные крабы. А еще там живут коварные аборигены.

Джейк побледнел, лицо его исказила гримаса. Чарли усмехнулся.

– И очаровательные женщины, – добавил Зурбик на своем бирмингемском диалекте.

– У нас презентация через две недели в офисе клиента. Они просили, чтобы приехали режиссер и продюсер.

Чарли посмотрел на Кена, тот кивнул:

– Где они находятся?

– Близ Лидса.

«В Софии холодно – плюс один градус по Цельсию и идет снег. Надеемся, что полет вам понравился и что ваше пребывание в Болгарии будет приятным».

– Вас это устроит, Сэм?

Голос Чарли прозвучал откуда-то издалека. Она вздрогнула и уставилась на босса.

– Вас это устроит, Сэм? – повторил он.

– Что, простите?

Все удивленно смотрели на нее.

– Презентация в Лидсе через две недели.

– Отлично, – сказала она. – Нет проблем.

Сэм выпрямилась на стуле, улыбнулась Чарли, Зурбику, потом Джейку. У последнего был вид хищной птицы, которая клевала падаль, но ее оторвали от этого увлекательного занятия.

– Ваш сценарий – и картинки, и текст – пока еще, конечно, сыроват, – сказал Зурбик, – но это лишь основа всей рекламной кампании. Нам нужно сочетание высокой художественности с сильным воздействием на потребителя.

Сэм вновь кинула взгляд на эскиз.

– Главное отличие этого продукта от других – акцент на здоровой пище, – продолжал арт-директор. – Шоколад «Сам по себе» не должен восприниматься как лакомство – его следует подать как персональную систему питания.

– Как что? – переспросил Кен.

– Как персональную систему питания.

– Помнится, во времена моего детства такие шоколадки назывались кондитерскими плитками, – сказал Шепперд.

Джейк посмотрел на Кена как на музейный экспонат.

– Кондитерские плитки, – заявил он, – канули в небытие вместе с Ноевым ковчегом. Мы сейчас разрабатываем принципиально новую концепцию. Мы планируем совершить прорыв. – Он покачался туда-сюда на стуле, потом уперся локтями в стол и подался вперед. – Через десять лет наша рекламная кампания будет описана во всех учебниках.

– Тут все новое, Кен, абсолютно новое, – подтвердил Зурбик. – В шоколаде «Сам по себе» есть абсолютно все, что вам нужно. Производитель считает, что это первый продукт, содержащий все необходимое: полную суточную норму витаминов, протеин, глюкозу, органический субстрат из кокосовых стружек. Это лучше, чем просто съесть кокосовый орех: тот слишком богат питательными веществами, а они в больших количествах плохо усваиваются. «Сам по себе» помогает избежать появления морщин, препятствует развитию деменции и предохраняет от солнечных ожогов. Дает заряд энергии. Единственное, что вам нужно добавить к продукту, – это вода.

– Только вода?

Зурбик кивнул.

– И можно питаться лишь этим? – заинтересовался Кен.

– Совершенно верно.

Кен скептически ухмыльнулся. Сэм стрельнула в него предупреждающим взглядом.

– Принципиальное отличие этой плитки, – продолжал вещать Зурбик, – состоит в том, что сладкая ее составляющая находится в оболочке из бисквита. Блестящая идея. Шоколад не плавится на солнце, не становится липким. Это продукт, дружелюбно настроенный по отношению к потребителю. Упаковка герметичная, водонепроницаемая. Это серьезная еда для выживания. Да какая там кондитерская плитка – это высокотехнологичный продукт конца двадцатого века. Это ультрасовременная еда.

Кен посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Мы будем параллельно разрабатывать два аспекта, – соловьем разливался арт-директор. – Во-первых, уникальное содержимое. А во-вторых, имидж. «Сам по себе» – продукт для успешных людей.

– Надо сделать упор на энергии, – вставил Джейк. – Энергии и молодости. Продукт, которому доверяют. – Он бросил на Кена многозначительный взгляд. – Мы не хотим, чтобы это было похоже на какую-нибудь дурацкую рекламу «Баунти» шестидесятых годов, нам не нужен необитаемый остров Робинзона Крузо. Мы говорим о двадцать первом веке, вы понимаете? Это продукт двадцать первого века. И не нужен нам вообще никакой дурацкий необитаемый остров, мы хотим, чтобы это походило на что-то космическое. Еда для молодых честолюбивых людей. Продукт, которому доверяет улица. Наша кампания будет нацелена на тех, у кого нет времени для ланча. При помощи этого продукта мы хотим изменить общество. Помните, как Гордон Гекко – ну, его еще играет Майкл Дуглас – говорит в фильме «Уолл-стрит»: «Ланч – это для слабаков»? «Сам по себе» заменяет ланч. – Он выставил перед собой указательный палец. – Вот на что мы сделаем упор. Вот как я вижу сценарий.

Сэм заглянула в свой блокнот. Она нарисовала там самолет.

* * *

– «Продукт, дружелюбно настроенный по отношению к потребителю» – это надо же такое придумать! Ну и бред! Интересно, а что делает продукт, который настроен враждебно? Кусает потребителя в ответ? – Кен сокрушенно покачал головой. – Неужели они и впрямь верят в это, Сэм? Похоже, что да!

Он включил «дворники».

Сэм посмотрела на их короткие, судорожные, чуть неловкие движения. И подумала, что ничто так не выдает возраст этого «бентли», как «дворники».

– Персональная система питания, – продолжал Кен. – В корне неправильная психологическая установка – вот что меня беспокоит. Люди должны есть вместе, сидеть за общим столом. А иначе к чему мы придем? Будем жить в мире, наполненном изолированными друг от друга идиотами, которые сидят в наушниках и поедают в одиночку каждый свой набор из персональной системы питания?

Сэм улыбнулась:

– А мне вкус понравился.

– Похоже на «Баунти» с печеньем.

«Дворники» на лобовом стекле лишь размазывали воду, и смотреть на дорогу приходилось словно бы через заиндевшее окно. Сэм видела рябь движения, мерцание стоп-сигналов, светофоры, искаженные фигуры пешеходов, похожие на гигантских, вертикально плывущих рыб.

«РАСПРОДАЖА». «РАСПРОДАЖА». «РАСПРОДАЖА». Эти объявления подмигивали ей из всех витрин на Кенсингтон-Хай-стрит. Кен подался вперед и вытащил из бардачка упаковку жвачки:

– Хотите?

– Нет, спасибо.

– Сплошной затор. Нужно было ехать по Кромвель-роуд.

Он развернул пластинку «Джуси фрукт», сунул жевательную резинку в рот.

Несколько мгновений Сэм ощущала приятный запах, потом он исчез. Она уставилась на длинный темно-синий капот автомобиля. Всюду огни – стоп-сигналов, магазинов, светофоров. Темное серое небо. Гнетущее настроение. Распродажи вот-вот закончатся, а потом,

через неделю-другую, моделей начнут наряжать в летнюю одежду, в витринах появятся застывшие манекены в ярких бикини, шортах и сарафанах. Это в феврале-то. Вот идиотизм.

Сэм чувствовала себя необычно, сидя так высоко на глубоком широком сиденье – словно в кресле. Ее ноги утопали в мягком коврик овец шерсти, ноздри вдыхали роскошный аромат обновленной кожи. У ее дядюшки была машина на высоких колесах, в которой пахло кожей. «Ровер». Она всегда сидела сзади, а дядя с тетей – впереди, и они неизменно ехали молча. Каждое воскресенье предпринималась ритуальная поездка за город из их унылого дома в Кройдоне. Сэм глядела на поля, так похожие на те, в которых она когда-то носилась сломя голову и играла с подружками. Где когда-то... но это случилось так давно, что она уже обо всем забыла.

Кожа. Запах кожаной перчатки во сне. Такой отчетливый. Черная балаклава с прорезьями. Ее внезапно пробрала дрожь. Страх никуда не делся – оставался с нею: грубый, обнаженный. Такое никогда не забудешь, сколько ни притворяйся, что ничего не случилось.

Когда погибли родители, Сэм без особой радости, без всякого энтузиазма взяли к себе дядя с тетей. Девочка была совершенно им не нужна, она стала лишь помехой в их бездетной жизни, в их пустом и безмятежном существовании.

Дядюшка был брюзгливым мужчиной с уныло повисшими усами, его раздражало абсолютно все: шум, невыключенный свет, утренние новости. Он, постоянно шаркая, ходил по мрачному дому, щелкал по барометру и жаловался на погоду, хотя сроду не делал ничего такого, на что погода могла бы повлиять. Он сидел в кресле, перебирал пинцетом коллекцию марок, иногда поднимал голову и бормотал: «Остров Ванкувер, десять центов, голубая. Занятно». После чего снова погружался в молчание.

Тетушка была холодной, мрачной женщиной, она вечно обвиняла Бога в своей судьбе, однако каждое воскресенье неизменно ходила в церковь и возносила благодарности. Она шла по жизни, накапливая богоугодные дела, дабы обрести блаженство в загробном мире. Первое богоугодное дело – вступила в законный брак с дядюшкой. Второе – удочерила сироту Сэм. Третье – пригласила на чай викария с женой. Четвертое – вступила в общество «Самаритяне»² (трудно представить, какие она могла давать советы). Пятое – отнесла в полицию найденный кошелек. У тети накопилось более трехсот богоугодных дел: она заносила их в специальный блокнот, который однажды обнаружила Сэм. А ведь с тех пор прошло уже двадцать лет. Интересно, сколько еще всего за это время добавила туда тетушка?

Как странно возвращаться в прошлое. Образы со временем изменяются, пытаюсь обмануть тебя своими черно-белыми фильмами, выцветшими фотографиями, ржавчиной, морщинами, слишком короткими «дворниками». Просто в голове не укладывается, что все это когда-то было новым и что все нынешнее, что окружает нас сейчас – на улице, в витринах магазинов, – в один прекрасный день тоже станет старым.

Дождь на несколько секунд вдруг усиленно забарабанил по стеклу, а потом стих – словно бы ребенок бросил горсть камушков. Черные буквы в газетном киоске мелькнули перед ней, словно кадр из фильма, и исчезли.

– Кен, стоп!

– Не понял! В каком смысле?

– Да машину остановите! Бога ради, остановите машину! – закричала Сэм.

Он припарковался на месте, которое только что освободило такси, а она дернула ручку и распахнула дверь. Брякнул велосипедный звонок, велосипедист вывернул руль, налетел на поребрик, сердито закричал.

² «Самаритяне» – общество, оказывающее эмоциональную поддержку (по большей части по телефону) людям в стрессовой ситуации.

Сэм выскочила из машины, чуть не упала на тротуар и побежала назад, к газетному киоску.

– «Стандард», – сказала она, схватила газету и, вытащив кошелек, дрожащими руками открыла его, вытряхнула несколько монеток, часть мелочи при этом просыпалась на землю.

Сэм замерла и, не чувствуя ледяного дождя, уставилась на крупные буквы заголовка на первой странице: «163 ПОГИБШИХ В АВИАКАТАСТРОФЕ В БОЛГАРИИ».

Под заголовком была фотография. Хвостовая часть самолета – темный силуэт на снегу, верхушка стабилизатора согнута под прямым углом, видна часть эмблемы «Чартэйр» в виде прыгающего тигра и буквы рядом с ней: «Г», «З», «Т», «А» и «Е».

– «Чартэйр» шесть-два-четыре, – одними губами проговорила Сэм, глядя, как на газету падают капли дождя.

Болгария подтвердила, что «Боинг-727», принадлежавший компании «Чартэйр», разбился сегодня утром. На борту находились 155 пассажиров и 8 членов экипажа. Подробности пока не сообщаются, но, как стало известно, самолет врезался в горы, пытаясь совершить посадку в условиях плохой видимости.

Дальше читать Сэм не могла. Развернулась и медленно пошла к машине.

Она точно знала, что произошло.

– Что такое? – Голос Кена доносился до нее словно издалека. – Сэм?.. Эй?.. Что-нибудь дома?..

Она захлопнула дверь «бентли» и снова уставилась на заголовок и фотографию.

– Что случилось, Сэм? Кто-то знакомый летел этим рейсом?

Она некоторое время тупо смотрела перед собой, после чего вытащила из сумочки носовой платок и промокнула лицо. Потом почувствовала, что слезы снова текут по ее щекам, и еще раз протерла лицо. Однако щеки тут же опять покрылись влагой. Она зажмурилась, ощутила, как тяжело вздымается у нее грудь, громко втянула воздух носом, пытаясь остановить рыдания. Но не смогла.

И тут Кен легко, нежно прикоснулся к ее запястью.

– Кто там летел? – участливо поинтересовался он. – Кто был в этом самолете?

Сэм долго сидела молча, слушая стук дождя и шум проезжающих мимо машин.

– Я, – ответила она наконец. – Я была в этом самолете.

5

- Прямо задницами вверх.
- Не может быть!
- Уверяю вас, именно так они и делают.
- Вы меня разыгрываете.

Ричард взял винный бокал, пьяненько улыбнулся, покрутил его в руке.

- Ставят их торчком.
- Правда?

Сэм смотрела на холеное лицо Сары Раунтри, отделенное от нее серебряным канделябром. В окне проплыли огни какого-то судна, разговор в комнате не заглушал стук его двигателя.

- Да, песчанок укладывают в пластиковые пакеты, а потом ставят торчком.
- Не могу поверить!

От порыва холодного воздуха, более сильного, чем прежде, задрожало пламя свечей, и Сэм увидела, как свет пляшет на бриллиантах и столовых приборах, заметила отблески на лицах гостей. Друзья. Обеды. Она любила устраивать званые обеды.

Обычно любила.

Коктейльные вечеринки превращались в сплошную мороку: светская болтовня – это, может, и неплохо, если хочешь прощупать почву для бизнеса, но не более того. Ужины тоже были не лучше. Удовольствие ниже среднего, – усевшись в кресло, пытаться есть с бумажной тарелки, не зная, куда пристроить бокал с вином. Бумажная тарелка всегда оказывалась слишком маленькой и гнулась при попытке нарезать на ней ветчину; угощение падало с нее на пол или хуже того – прямо тебе на колени.

Вот обеды – это да, совсем другое дело. Цивилизованно. Небольшая компания, всего несколько друзей. Хорошая еда. Хороший разговор.

Обычно.

Но только не сегодня.

Сегодня все было не так. И еда, и гости, и собственное платье, которое просто бесило Сэм. Ее фирменный буйабес не удался. Да еще Харриет О’Коннелл сказала, что у нее из-за загрязнения окружающей среды развилась аллергия на рыбу, а Гай Раунтри заявил, что не ест чеснок, и в результате эти двое разделили единственное авокадо, которое отыскалось в вазе для фруктов.

У оленины вид был такой, будто ее кремировали. Ягоды можжевельника в керамических кастрюльках превратились в густую горькую кашу, а приправа отделилась и плавала наверху, как нефтяная пленка на воде.

И откуда, черт возьми, она могла знать, что ягоды можжевельника безнадежно портят кларет?

Сэм слышала об этом от Арчи, который прочел ей целую лекцию. Арчи Крукшанк («Арчи тебе понравится... он хороший парень... Арчи знает толк в винах»), этот тип с широким, покрытым пятнами лицом и бросающимися в глаза красными прожилками, с плоским животом и толстыми пальцами, буквально залезал носом в бокал с вином, как свинья, ищущая трюфели. Он нагонял на Сэм тоску своими рассуждениями о винах разных годов:

- Урожай семьдесят восьмого гораздо лучше, чем восемьдесят третьего.
- Правда?
- Безусловно. Вина восемьдесят третьего года нельзя пить еще лет пять.
- Да неужели?

– Урожай восемьдесят второго года, как правило, сильно недооценивают. Но, конечно, все зависит от виноградника.

– Разумеется.

Крукшанк поднял бокал к свету и, держа на вытянутой руке, внимательно изучил с таким видом, словно в нем были нечистоты.

– Жалко, что с кларетом так получилось. Славное вино шестьдесят второго года. Его, конечно, нужно было выпить еще пару лет назад, но ягоды можжевельника его все равно погубили. Можжевельник придает металлический привкус. Я удивлен, что Ричард не предупредил вас об этом.

– Вот злодей, утаил от жены секрет.

– А я-то считал его знатоком.

Сэм вдруг снова почувствовала дуновение холодного воздуха, и ей показалось, что громадная средневековая люстра над ними чуть сместилась в сторону. Она подняла голову. Теперь в подсвечниках вместо прежних толстых свечей горели вполне электрические лампочки. Она посмотрела на другой конец стола, где рядом с Ричардом сидел Андреас Беренсен, пресловутый швейцарский банкир. Он почти ничего не говорил, лишь улыбался чему-то своему, словно считал себя выше всего здесь происходящего. Высокий, крепкий, атлетического сложения мужчина, на вид приблизительно лет пятьдесят или около того. Холодное, довольно интеллигентное лицо, высокий лоб, волосы по бокам аккуратно уложены, но на макушке просвечивает лысина. На правой руке черная кожаная перчатка, которую он не снял даже за обедом. Андреас поднял бокал, пригубил вина, поймал взгляд Сэм, улыбнулся ей чуть ли не самодовольной улыбкой, поставил бокал обратно на стол.

Ее снова пробрала ледяная дрожь. То же самое Сэм испытала в ту минуту, когда встречала гостя в дверях и он пожал хозяйке руку, не снимая черную перчатку, которая напомнила ей страшный сон. Ерунда. «Не заморачивайся всякой ерундой», – сказала она себе.

Господи боже, сейчас ее голова была занята совершенно иными мыслями. Сэм чувствовала вину. Злость. «Я могла бы спасти всех этих людей», – сказала она Кену. Но тот только нежно посмотрел на нее и ответил, что многим снятся сны об авиакатастрофах и она ничего не могла изменить. «Даже если бы ты и захотела предупредить авиакомпанию, тебя бы все равно никто не послушал: им каждую неделю звонят сотни психов».

Но в душе у Сэм бушевала злость. Злость и недоумение.

«Почему? Как? Неужели мне и в самом деле приснился вещий сон?»

Платье тоже выводило ее из себя: ну что за дурацкий фасон, постоянно перекашивается на один бок. Сэм то и дело поводила плечами, пытаясь вернуть его на место. Потом не выдержала, встала из-за стола, пошла в спальню и вытащила подплечники. А теперь подумывала, не вернуть ли их обратно. Она снова повела плечами, чувствуя, как бирка натирает ей спину.

Арчи поднес к влажным губам бокал с сотерном, наклонил его и произвел звук, похожий на тот, с каким вода вытекает из ванны в сливное отверстие. Тонкая струйка вина выплеснулась ему на галстук. Да вдобавок он уже успел заляпать свой костюм едой. Сэм подумала, что жене Арчи, когда они вернутся домой, вероятно, придется засунуть мужа целиком в стиральную машину.

– Хорошее вино, – снисходительно сказал он. – По-настоящему хорошее. Трайфл,³ конечно, его немного портит.

Сэм посмотрела на сидевшего слева от нее Бамфорда О’Коннелла. Один из самых старых друзей Ричарда. Густая шевелюра с прямым пробором посередине, алый бархат-

³ Трайфл – английский десерт из бисквитного теста (часто смоченного хересом или вином) с заварным кремом, фруктовым соком или желе и взбитыми сливками.

ный пиджак, старомодный галстук желтого шелка, – он был похож скорее на денди времен Эдуарда VII, чем на преуспевающего психиатра. Его жена Харриет, предпочитавшая безвкусно-богемный стиль, всегда выглядела так, будто на ней босоножки. Она сидела в центре стола и читала биржевому брокеру Питеру Ролингсу лекцию о необходимости охранять окружающую среду. Ох уж эти гринписовцы.

– Понимаете, все мы – губки, всего лишь губки, – сообщила она соседу своим пронзительно-серьезным (церковно-базарным) голосом. – Мы, как губки, впитываем в себя среду обитания.

– Мне однажды довелось заключать контракт на сбыт губок, – пробормотал Питер Ролингс.

Сэм совершила ошибку, посадив их рядом. У этих двоих нет абсолютно ничего общего, и на лице Питера теперь читалось выражение отчаянной скуки. Нужно было посадить его на свое место, рядом с Арчи Крукшанком. Сэм взглянула на соседа справа. Тот, ссутулившись на стуле, задумчиво разглядывал потолок и производил неприятные чавкающие звуки.

Арчи. В любом бизнесе обязательно найдутся не слишком приятные люди, которых приходится – скрепя сердце – терпеть, развлекать, убажывать. Она тоже имела дело с такими. Взять хоть Джейка, автора рекламных текстов.

Лизоблюдство – так они называли это в школе. Ничего с тех пор не изменилось. Приходилось идти по жизни лизоблюдствуя. А потом ты окажешься на небесах, сжимая в руках блокнот со списком богоугодных дел, как у ее тетушки Анджелы, и там уже начнешь лизоблюдствовать на всю катушку. «Привет, Господи, ну и славное же местечко Ты сотворил. Всего за семь дней? Вот здорово! И как же это Тебе удалось? Ну, несколько ляпов Ты все же допустил, однако это так, мелочи. Нет, правда, и внимания обращать не стоит... Ну, например, было бы так мило с Твоей стороны не забирать моих мамочку и папочку и не отдавать меня в руки двух самых разнесчастных на свете ублюдков. Ну и еще было бы хорошо, если бы у меня не случилось четыре выкидыша подряд, я уж не говорю о том, что чуть не умерла, когда рожала Ники. Ну и еще Ты напрасно сжег Хиросиму... Было бы славно, если бы мой муж не завел любовницу...

И если бы этот самолет не потерпел в Болгарии катастрофу».

Внезапно к горлу подступил комок, а желудок завязался узлом. Сэм вдруг показалось, что кто-то выключил звук у нее в голове: она все видела, но ничего не слышала.

Она почувствовала ледяной холод. И невероятное одиночество.

163 ПОГИБШИХ В АВИАКАТАСТРОФЕ В БОЛГАРИИ

Все в комнате замерли, словно в стоп-кадре. Потом фильм продолжился. Уши у нее горели огнем, словно бы кровь в них закипала. Арчи принялся за трайфл. Он главным образом читал хозяйке лекцию, но ее жизнью даже не поинтересовался, только спросил – целых три раза, – сколько у нее детей. Его жена, с обесцвеченными волосами и огромными сиськами, сидела в конце стола, пытаясь отвлечь Ричарда от Андреаса. Она больше походила на стриптизершу, чем на супругу банкира.

– Замечательный трайфл, Сэм, – сказал Бамфорд О’Коннелл на своем сочном дублинском диалекте.

– Спасибо. – Она улыбнулась ему и чуть было не сболтнула, что приобрела десерт в супермаркете, но вовремя прикусила язык. Не стоит себя выдавать, тем более что, купив готовый трайфл, Сэм все-таки немного над ним поколдовала.

О’Коннелл, невысокий, жизнерадостный, настоящий сгусток энергии, с наслаждением отправил в рот очередную ложку трайфла. Этот человек – не важно, ел ли он, пил, говорил или просто сидел, – неизменно превращал жизнь в праздник. Занятый изучением других,

он внушал окружающим, что наше существование – радость, непрерывная череда удовольствий.

Перехватив взгляд Сэм, Бамфорд поднял бокал:

– Маленький тост за хозяйку, спасибо тебе за все хлопоты.

Сэм снова улыбнулась, подумав: интересно, видно ли ему, что она покраснела. Экцентричность О'Коннелла была всего лишь маской: этот обаятельный человек на самом деле был колючим, как иголка. Сэм ни на минуту не забывала, что их друг – психиатр, и всегда в его присутствии контролировала каждое свое движение, каждый жест, спрашивая себя, о каких ее патологиях, фобиях и тайных желаниях Бамфорд может догадаться, глядя, как она отрезает кусочек мяса, как держит бокал, как прикасается к собеседнику.

– Но ведь они живые? – спросил голос в дальнем конце стола. – Песчанки живые?

Сэм сердито посмотрела на Ричарда, взглядом приказывая мужу сменить тему, но он отвернулся, почти открыто обменялся ухмылкой с Андреасом, потом снова посмотрел на блондинку:

– Ну да, конечно. И когда песчанки начинают крутиться, это выглядит очень эротично, если вам нравятся такие вещи.

– Я думаю, это отвратительно, – заявила Шейла Ролингс.

– Держу пари, ваши пациенты рассказывают вам вещи и похуже, правда, Бамфорд? – поинтересовался Питер Ролингс, оставив Харриет в облаке столь губительного для экологии сигаретного дыма.

О'Коннелл улыбнулся, поймав взгляд Сэм; дал знать, что понял ее, покрутил бокал в руках.

– Это правда. Конечно, так оно и есть. – Он подмигнул Сэм. – Мы ведь именно поэтому и кладем пациентов на кушетки, чтобы они не видели наших лиц, когда рассказывают всякие такие вещи.

– А кто это проделывает подобное с песчанками? – спросила жена Арчи, широко распахнув глаза и хлопая веками, как голодные птицы клювами.

– Геи в Америке, – пояснил Ричард.

Зазвонил телефон.

Ричард вскочил, подошел к своему столу, снял трубку. На несколько мгновений воцарилось молчание – все смотрели на него.

– Гарри, великолепно! – громко сказал он. – Отлично, дорогой, это перспективный вариант. Нет, я не успел... пришлось уйти пораньше... ага... Слушай, ну это просто панацея. Продай опцион, если покупатель хочет получить ценные бумаги с десятипроцентной премией для АДР. А что насчет «Сони»?

– Ричард! – громко окликнула его Сэм. – Может, перезвонишь ему потом?

Муж прикрыл ладонью микрофон и поднял палец.

Бамфорд О'Коннелл откинул назад упавшие на лоб волосы и, обращаясь к Сэм, процитировал Библию:

– «Нечестивым нет мира».

– Ты говоришь, пятьдесят пять с половиной? А валютный курс? – Ричард постучал по клавиатуре калькулятора, потом посмотрел на Андреаса. – Ага, хорошо, давай. Купи мне сто пятьдесят тысяч акций. Ладно, пока. Поговорим завтра. Пока.

Он повесил трубку, включил компьютер и ввел в поисковик какой-то запрос.

Сэм свирепо смотрела на него.

– Ричард, а почему сейчас акции «Ай-би-эм»? – спросил Питер Ролингс.

– Секунду. – Он еще постучал по клавишам. – Черт, Нью-Йорк, похоже, слетел с катушек.

Арчи встревоженно оглянулся, потом снова посмотрел на Сэм, ему явно не терпелось пойти и проверить самому, но он передумал. Один только Андреас не выказывал ни малейшей озабоченности – сидел, глядя перед собой, прихлебывал вино и улыбался довольной холодной улыбкой. Может быть, швейцарские банкиры все всегда знают заранее? И считают британских финансистов своими марионетками?

– Спрос – сто двадцать четыре и пять восьмых! Предложение – сто двадцать четыре и семь восьмых! – выкрикнул Ричард и выжидающе посмотрел на Андреаса. Тот едва заметно одобрительно кивнул ему.

Сэм встала из-за стола, чувствуя устремленные на нее взгляды гостей, и подошла к Ричарду.

– Выключи его, – прошептала она. – Немедленно.

– Я хочу понять, продадим ли мы акции.

– Меня это не волнует. Я хочу, чтобы ты выключил комп. Сейчас же.

Она вернулась за стол, расточая улыбки, и принялась убирать тарелки после десерта.

– Принеси сыр, Ричард, – попросила она, направляясь на кухню.

Там она поставила стопку тарелок возле мойки. Включила кофеварку.

– Буйабес был высший класс, – сказал Ричард, тоже появившись на кухне. – Просто пальчики оближешь.

– Он был ужасен. И оленина – просто катастрофа. Слушай, а почему этот твой Андреас не снял перчатку?

– Он никогда ее не снимает. А что?

– Жутковато выглядит.

– Ничего страшного. Я думаю, последствия какой-нибудь аварии. Шрам или еще что-нибудь в этом роде. – Ричард положил руки ей на плечи. – Ты слишком взволнована, Багз. Расслабься.

Сэм стряхнула с себя его руки и повернулась к мужу:

– Ты напился.

– Я в норме.

– Ведешь себя просто ужасно. Всех смущаешь. Нам пришлось выслушивать твою болтовню про песчанок вверх задницами и про то, что Екатерина Великая умерла, трахаясь с жеребцом, а потом ты вообще ушел из-за стола и занялся работой.

– А ты весь вечер сидишь как манекен. Ни с кем не разговариваешь. Притулилась в уголке и смотришь перед собой. Ты что, неважно себя чувствуешь?

– Я отлично себя чувствую.

– А выглядишь ужасно. Весь вечер бледная, как простыня. Тебе нужно показаться врачу.

– Я тебе говорила, меня напугала эта авиакатастрофа.

– Да брось ты, Багз, какой из тебя, на хрен, оракул.

Сэм смерила его гневным взглядом. Вот так. Они с мужем два совершенно чужих человека. Она больше не могла говорить с Ричардом ни о чем важном – с таким же успехом можно обсуждать это с первым встречным в автобусе. Сэм развернулась и пошла назад в комнату. Ричард вернулся на свое место, и блондинка тут же вцепилась в него.

– А вы когда-нибудь пробовали с песчанкой? – спросила она.

Он закурил, звучно затянулся.

– Нет. Сэм не увлекается эксцентричным сексом. – Ричард увидел лицо жены и поспешно отвернулся. – Вообще-то, она слишком занята в последнее время – смотрит сны.

– Наверное, очень эротические?

– Нет... все больше про авиакатастрофы. Считает, что ей приснилось сегодняшнее падение самолета в Болгарии.

Сэм снова поймала взгляд Андреаса, увидела его холодную и, как ей показалось, понимающую улыбку.

– А я думаю, что на самом деле ей приснился мой пенис. Слушай, Бамфорд! – прокричал Ричард через весь стол. – Фрейд, кажется, считал, что самолет – это здоровенный член, да?

– Ты собирался предложить гостям портвейн, Ричард, – сказала Сэм, стараясь произносить слова четко, чтобы никто не заметил дрожи в ее голосе.

Бамфорд О’Коннелл посмотрел на нее, улыбнулся сочувственно, словно уговаривая не беспокоиться, не расстраиваться: дескать, вообще-то, Ричард хороший парень, только немного перебрал.

– Да, портвейн. У нас хороший портвейн. «Уоррс» шестьдесят третьего года. Арчи, попробуешь?

– Великолепный сыр, вот этот, такой мягкий, – заметила жена банкира не менее мягким голосом.

«Его делают из грудей жирных блондинок» – так и подмывало сказать Сэм, и ей пришлось прикусить язык, чтобы не произнести эти слова вслух.

– Называется камбоцола, – язвительно пояснила она, однако, вспомнив об обязанностях хозяйки, тут же снова изобразила улыбку. – Вкусный, правда?

– Сэм, а как там у вас обстоят дела с особняком? – поинтересовался О’Коннелл.

– Скажешь тоже – особняк! Просто старый фермерский дом.

– Я думал, это построенное бог весть когда здание, внутри которого обитают привидения или что-нибудь в этом роде.

Сэм отрицательно покачала головой:

– Боюсь, никаких привидений там нет и в помине.

– Вы переезжаете за город? – вдруг оживился Арчи.

– У нас был маленький коттедж, куда мы ездили на выходные. А потом мы приобрели дом посolidнее, но его сильно повредило ураганом.

– Хорошая идея – уехать из Лондона, – сказал О’Коннелл. – Сбежать подальше от всякой шушеры.

– Ну, положим, за городом тоже полно разных хмырей, – возразил Ричард. – Только они ездят не на автомобилях, а на тракторах.

Сэм принесла кофе, стала разливать. О’Коннелл передавал чашки гостям.

– Спасибо, – поблагодарила она, когда они закончили.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Да... нормально... – Сэм не стала вдаваться в объяснения.

– У тебя слегка усталый вид. Много работаешь?

– Не больше обычного. Просто я сегодня пережила небольшой шок, только и всего.

– А что случилось?

– Я... – Сэм почувствовала, как румянец обжег ей щеки. – Я... Слушай, Бамфорд, а ты хорошо разбираешься в снах?

– В снах? Если кто-то скажет тебе, что хорошо разбирается в снах, то этот человек стопроцентно лжец. Мне, вероятно, известно об этом не больше, чем другим. А почему ты спрашиваешь?

– Ты используешь сны в своей работе?

– Конечно. Они очень важны... но мы пока мало что о них знаем.

– Член Адама – запретный плод, – прокомментировал Ричард. – Это очевидно. Змий. Классический Фрейд. Это был Адамов пенис.

– Как проницательно, – проворковала блондинка. – Я об этом никогда не думала.

Сэм отхлебнула «Перье», потом покрутила стакан в руках и посмотрела на психиатра.

– Как думаешь, можно ли во сне увидеть будущее? – спросила она, слегка смутившись.

– Тебя интересует предвидение?

– Это так называется?

– Ты имеешь в виду, что человек во сне видит события, которые впоследствии действительно происходят?

– Да.

О'Коннелл взял бокал и пригубил портвейн с таким явным удовольствием, что Сэм тоже невольно захотелось выпить.

– Прекрасное вино, – одобрил он. – Просто отличный портвейн. У меня от спиртного завтра будет жуткая мигрень. Это предвидение?

Сэм наклонила голову:

– Я серьезно, Бамфорд.

Он улыбнулся, потом нахмурился:

– Это как-то связано с сегодняшней авиакатастрофой? Той, о которой говорил Ричард?

Сэм кивнула.

Он внимательно посмотрел на нее:

– У меня есть пациенты, которые все время предвидят будущее.

– Правда?

– Ну, они так считают.

– А на самом деле это неправда?

– Ха, будь это правдой, я бы давно стал миллионером! Я бы просил их предсказывать победителей на скачках. Мог бы продавать Ричарду информацию о выгодных вложениях. Мы бы подмяли под себя весь рынок.

Тут прямо над головой у Сэм раздался громкий хлопок, и она почувствовала острую боль в ладони. Она вскрикнула, опустила глаза. Осколки стекла сверкали на столе вокруг нее. По указательному пальцу растекалась капелька крови. Сэм недоуменно оглянулась. Все гости подняли головы и разглядывали люстру.

– Как странно, – сказал кто-то.

– Вероятно, на лампочку попала краска, – раздался еще чей-то голос. – Из-за краски такое случается.

– Скорее, скачок напряжения. Во время рекламной паузы все кидаются в туалет. Вот электрические сети и не выдерживают перегрузки.

– Но уже первый час ночи.

Сэм посмотрела на люстру. Одна из лампочек взорвалась, из патрона торчали неровные стеклянные зубцы.

Холодный укол страха пронзил ее. Звук хлопка эхом звучал в голове, затухал, потом снова набирал силу, навевая смутное, очень смутное воспоминание о прошлом.

Сэм нахмурилась, опустила глаза: она разглядывала гроздь винограда, изображенную на дощечке для нарезки сыра, крохотные осколки стекла, сверкавшие в пламени свечей, ряд перстней на пухлых пальцах блондинки – очень смахивает на кастет; потом уставилась на темное пространство квартиры вдали от стола. Воспоминание пронзило ее мозг, как боль в пальце. И снова Сэм встретилась взглядом с Андреасом. Его пальцы в перчатке обвивали бокал, и Андреас улыбался ей.

6

Сэм услышала звук льющейся воды и энергичный скрежет зубной щетки. Она повернулась в кровати; было неприятно осознавать, что наступил новый день, но старый при этом еще вроде как не кончился. Она медленно открыла глаза – в них словно насыпали песка, а веки сшили проволокой. Из двери ванной проникал столб света, который заглушался серой темнотой, неторопливой театральной темнотой раннего зимнего утра. Сэм казалось, что она чувствует чью-то неторопливую руку, лежащую на рукоятке смены ночи и дня. «Так, повернем совсем чуть-чуть! У нас по сценарию утро!»

Из правой кулисы, из ванной, появляется Ричард. На нем махровый синий халат, из-под которого торчат ноги, белые и волосатые. Светлые влажные волосы зачесаны назад, на подбородке капелька крови – задел бритвой прыщик. Он растягивает губы, обнажая сияющие белизной зубы.

Готов для рекламной фотографии.

ДЗИНЬ! «Зубная паста, которую все чаще рекомендуют дантисты!»

ДЗИНЬ! «Экологически разумный способ чистить зубы. Да, друзья! Потому что, когда паста заканчивается, вы можете съесть тюбик!»

«Еще одна персональная система питания, разработанная для вас производителями напалма. Удаление зубного налета. Уничтожение растительности. Очищение кожи».

Сэм подпрыгнула, ее пробрала дрожь.

Мурашки по коже побежали, как говорила ее тетушка.

Сэм попыталась выключить странную рекламу, которая мелькала перед ее мысленным взором, пока она еще не успела окончательно проснуться. Она читала как-то статью в журнале: есть такое состояние, промежуточное между сном и бодрствованием, называется гипнопомпическим. А бывает еще гипногогическое состояние, переходное между бодрствованием и сном, когда начинаешь засыпать. В это время человек видит всякие странные вещи.

Сэм ненадолго расслабилась, но потом ощущение уныния захватило, буквально обволокло ее. До чего же погано на душе. Сродни пробуждению с похмелья, когда ты знаешь, что накануне сделал что-то, о чем будешь жалеть. Вот только сегодня это было что-то другое, гораздо хуже. Она попыталась напрячь память, но воспоминание ускользало от нее. Указательный палец чуть не отваливался от боли. Сэм вытащила руку из-под простыни, сорвала узкую полоску лейкопластыря. Раздался звук удара, сотрясшего комнату.

– Ну дела!

Она подняла голову, растерянно моргая в ярком свете торшера, который включил Ричард, и увидела мужа, распростертого на полу: ноги запутались в брюках. Он приподнялся на руках, в недоумении оглядел комнату.

– Ты цел?

Сэм посмотрела на часы. 05:44. Ричард опаздывал.

– Кажется, я еще не пришел в себя после вчерашнего.

Он перевернулся, сел на пол, снял брюки, потом медленно надел их снова, на сей раз внимательно разглядывая брючины, прежде чем засунуть туда ноги.

– Что тут удивляться – здорово вы с Бамфордом вчера наклюкались.

Ричард потер виски, зажмурился:

– Мы выпили почти две бутылки портвейна.

– Отлежался бы сегодня дома.

– Не могу, японцы совсем рехнулись.

– Они могут продолжать в том же духе и без тебя.

– Возможно, акции уже поднялись на четыреста пунктов. – Ричард сел на край кровати, вновь зажмурил глаза, протер лицо руками. – У меня жуткое похмелье, – сказал он. – Полный абзац.

Он на ощупь надел ботинки, поцеловал Сэм. Она ощутила тяжелый запах его дыхания и попросила:

– Не садись за руль. Возьми такси.

– Ничего, все хорошо. Вечер был просто супер, – сказал он. – Оторвались на славу.

Раздался щелчок, и комната погрузилась в темноту. Сэм улеглась и снова закрыла глаза. Услышала хлопок парадной двери, а потом наступила тишина. Вокруг было так тихо, что можно услышать, как падает булавка.

Или как взрывается лампочка.

Она заснула.

Ее разбудил рев бульдозера на улице. Баркас двигался вверх по реке, перелопачивая воду. Кто-то насвистывал «Марш полковника Боуги». Сэм опустила ноги на толстый ковер, села на край кровати, посмотрела вниз. Лак на ногтях пооблупился. На икрах появились волосы. Пора снова делать эпиляцию. Она ощутила неприятный запах воска, спереди на голени у нее до сих пор осталось желтоватое пятно: эта идиотка в косметическом салоне в прошлый раз обожгла ей кожу.

Послышался звук пневматического бура, потом более громкий звук сверху: это в нескольких сотнях ярдов самолет заходил в аэропорту на посадку.

Сэм посмотрела на себя в зеркало на стене и села прямее.

«Не забывай про осанку, подруга».

Она запустила руки в длинные каштановые волосы, крепко сжала их, подняла, уронила на спину, рассматривая сбоку свое отражение. Красивые волосы, густые, каштановые, шикарные.

Шикарные.

Теперь она могла и улыбнуться, потому что это уже не имело значения. Но боль осталась с ней на долгие годы.

Сэм вспомнила то утро – тринадцать или четырнадцать лет назад, когда тетя Анджела, не выжидая на ее безмолвный протест, отвезла племянницу в школу моделей Люси Клейтон в Лондоне.

– Это пойдет тебе на пользу, – сказала тетушка. – Придаст уверенности в себе.

Сэм до сих пор видела уничижительное презрение на высокомерном лице беседовавшей с ней женщины.

– Ты слишком маленькая, – говорила та. – Низкорослая. Пять футов пять дюймов, да? А нам требуется пять футов семь дюймов, это как минимум. – Она взяла Сэм за подбородок, покрутила ее голову в разные стороны, словно покупала лошадь. – Довольно милое личико, детка, настоящая английская роза. Ты и в самом деле весьма симпатичная, детка, просто шикарная. – Последнее слово женщина произнесла пренебрежительно, словно речь шла об уродстве. – Шикарная, но не красивая. – И повернулась к тетушке. – Хорошие ноги. Это, пожалуй, ее главное достоинство. Однако недостаточно длинные, чтобы стать моделью.

Сэм прошлепала по ковру к окну и чуть приоткрыла штору. Стояло серое утро, до полного рассвета оставалось еще не меньше часа. Она посмотрела на бурые воды Темзы, тянущиеся вдаль, словно полоса грязного брезента. Закопченный черно-белый полицейский катер мчался по реке, его резко подбрасывало, но он рассекал воду, словно тупой нож. Пустой лихтер беспокойно покачивался на месте, привязанный к громадному ржавому бую. Она услышала крик чайки, увидела тень птицы – та летела низко, коснулась на миг поверхности воды. Сэм обхватила себя руками, потерла плечи. Холод словно бы просачивался сквозь стекло и сквозь ее кожу.

На стройке поблизости грохотали два молота, забивающие сваи. Рабочий в спецовке и оранжевой каске медленно прошел по стройплощадке, пробираясь сквозь яркие лучи прожекторов; он осторожно ступал по земле, направляясь к огню, горевшему в черной бочке из-под масла. Другой рабочий, которого она не видела, продолжал прерывисто насвистывать – теперь «Вальсируя с Матильдой».

На краю стройплощадки бульдозер дал задний ход, развернулся, высыпал землю за щитом, на котором громадными буквами было написано: «ПРИБРЕЖНЫЕ ДОМА – ПРИБРЕЖНЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ». Рабочий остановился, опустился на колени, покопался в земле. Вытащил что-то, осмотрел, потер пальцем, потом выбросил через плечо.

Сэм увидела огненный шар, взметнувшийся высоко в небо, двигатель, разбрасывающий искры, подпрыгивающий, пританцовывающий.

Эта картинка возникла на миг перед ней в полной тишине. В абсолютном безмолвии.

Палец у нее болел так, словно под кожей остался осколок, и она сунула его в рот, пососала ранку. Вновь вспомнила холодную улыбку на лице Андреаса Беренсена. Его пальцы в кожаной перчатке, державшие бокал. Ричард весь вечер так и вился вокруг швейцарца, наливал вино сначала ему, в первую очередь спрашивал его мнение о каждом новом напитке. Заискивал. Лебезил. Ричард никогда прежде не вел себя так. Раньше он всегда уделял особое внимание жене, был человеком с чувством собственного достоинства. Сроду ни перед кем не лебезил.

Какофония на строительной площадке продолжилась, теперь она стала громче, оглушительней. На радио началась передача «Мысли дня». Сэм услышала веселый голос ведущего, раввина Лайонела Блю, густой, как патока.

«Я вот тут задался вопросом, – произнес он, – сколько людей запоминает свои сны? И еще мне интересно, а видит ли сны Бог?»

Нужно одеться. Навести марафет. Создать надлежащий образ. Что лучше надеть сегодня? Сэм зевнула, пытаясь сосредоточиться на предстоящем дне. Утром ей предстоит просмотр первого варианта монтажа, потом ланч с Кеном. Она пошла в душ, ощутила на теле тонкие водяные струи, сделала похолоднее. Водяные иголки барабанили по коже, сильно, больно. Она вышла из кабинки, энергично растерлась полотенцем.

Уже лучше. Но всего лишь на один процент. Слишком большая доза отрицательных ионов. Когда они улеглись спать? В три? В четыре? Пили портвейн. Потом кофе. Затем снова портвейн. И еще раз кофе. Первым ушел Андреас – Ричард и Бамфорд тогда как раз начали рассказывать анекдоты. Харриет прочла ей лекцию о нынешнем состоянии мира. Харриет беспокоил пластик, от него исходили какие-то ядовитые миазмы – можно заболеть раком, если сидишь на виниловом сиденье в автомобиле.

Сэм открыла шкаф. Первый вариант монтажа – это всегда напряг, напряг, напряг. Кто будет на просмотре?

Хоксмур. Жуткий тип. Вчера Джейк, а сегодня Хоксмур. Два наиболее неприятных ей человека. Надо одеться так, чтобы сразить всех наповал. Сегодня у нас будет день Джона Гальяно и Корнелии Джеймс.

Сэм поморщилась от боли в пальце. Странно, порез вроде бы совсем крохотный. Потом поморщилась снова, на этот раз от внезапной резкой боли в голове, стрелой пронзившей ее до самого желудка. Такое чувство, словно бы тебя разрезали кухонным ножом. Ну и дела. Она чувствовала себя странно. Очень странно.

Сэм облачилась в жакет и юбку от Гальяно. Самая подходящая форма одежды для боя.

«Ох уж эта мода, – подумала она. – Вечно выбивает из колеи. Только ты успеешь к чему-то привыкнуть, как мода меняется».

Затем Сэм вытащила просто потрясающую шаль от Корнелии Джеймс, накинула ее на плечи.

«Уже лучше. Здорово. Классно».

Вытащила из комода носовой платок, маленький белый платочек с французским кружевом по кромке и своими инициалами «С. К.», вышитыми синей нитью в углу, сунула его в сумочку. Провела по волосам расческой, посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась, довольная.

– Застрелиться, какая красота! – сказала Сэм. – Ну просто умереть не встать! – Она хлопнула в ладоши и вышла из спальни, недоумевая, почему именно эти слова пришли ей в голову.

«Нет, тебе это так просто с рук не сойдет», – произнес за стеной голос с сочным американским акцентом.

Она услышала смешок Ники. Далее последовало несколько взрывов.

«На этот раз тебе конец, Бэтмен».

БАХ! ТРАХ! БА-БАХ!

«Ну, это мы еще посмотрим!»

Ники и Хелен сидели за столом, завтракали и смотрели телевизор. Мальчик высоко поднял ложку, и молоко натекало ему под манжету. Хелен как зачарованная уставилась на экран, не замечая ничего вокруг, и Сэм почувствовала неожиданную вспышку раздражения. Она выхватила у сына ложку и остановила молочную реку кухонным полотенцем.

Няня вскочила:

– Извините, миссис Кертис... я...

– Все нормально, – холодно произнесла Сэм, возвращая Ники ложку. Потом выключила телевизор.

– Но во-о-от! – застонал мальчик.

Хелен села, залившись краской.

– Ники слишком много смотрит телевизор, Хелен. И уж за едой этого точно делать не нужно.

Она улыбнулась няне, чтобы слегка смягчить резкость тона.

– Извините, – снова сказала та.

Сэм села за стол, налила себе фруктового сока. Ники недовольно смотрел на мать.

– Что у тебя сегодня в школе, Тигренок?

Реклама «Эссо» сильно повлияла на Ники. В четыре года он стал Тигренком. Бегал на четырех лапах. Прыгал. Прятался в шкафах, высовывая для подсказки тигриный хвост. «Тигр здесь! Тигр здесь!»

Он протянул руку, схватил пакет с сухими завтраками и небрежно вывалил себе в тарелку добавку, рассыпав половину вокруг. Даже не налив молока, мальчик отправил ложку хлопьев в рот.

– Ты сегодня чем-то недоволен? – спросила Сэм.

– Я плохо спал.

– Мама тоже толком не отдохнула.

«Мама чувствует себя как выжатый лимон».

– Вы вчера шумели, – пожаловался Ники.

– Мы мешали тебе спать? Извини.

Он отправил в рот еще ложку овсяных хлопьев и принялся жевать их с открытым ртом.

– Я думала, ты Тигренок, а не Мистер Верблюд.

Мальчик закрыл рот и продолжил жевать, потом взял стакан и запил овсянку соком.

– Бэтмена, – сказал он. – Хочу посмотреть Бэтмена.

– Слишком много смотреть телевизор вредно.

– Ты же сама делаешь кино для телевизора.

– Только рекламу.

– Реклама – гадость. Ты делала рекламу для этой новой овсянки. А она такая противная, фу! На вкус как собачьи какашки.

– Можно подумать, что ты пробовал собачьи какашки!

– Не пробовал, но знаю, что они – гадость.

Сэм перевела взгляд на Хелен. Няня смотрела на нее испуганно, словно школьница на строгого учителя. Сэм допила сок. На часах было четверть девятого.

– Ладно, мама уже опаздывает. Мне пора.

Она прошла в гостиную, чтобы включить автоответчик, и с какой-то непонятной тревогой оглядела просторную комнату. На столе еще оставались кофейные чашки, бокалы, переполненные пепельницы, масленки и разбросанные салфетки. На двух полупустых бутылках «Перье» не было крышек, Сэм подошла к столу, искала их глазами. Нашла пробку от портвейна, заткнула одну бутылку. В открытой солонке сверкнул осколок стекла. Она настороженно взглянула на люстру. Из патрона все еще торчал неровный осколок. Остальные лампы были в полном порядке и до сих пор горели. Сэм щелкнула выключателем.

Серый свет тяжело повис в комнате, где витали застоявшиеся запахи табака и алкоголя; этот серый свет проникал Сэм под кожу, словно влага, грозил насквозь пропитать ее одежду и волосы, если она задержится здесь. Сэм осмотрела комнату: в углу стол – Ричарда с выдвижной крышкой; рядом – компьютер и рояль со старинным набором для курения опиума на крышке; в дальнем конце – два дивана у телевизора и камин с газовой горелкой. Геральдические щиты на голых кирпичных стенах, мечи, средневековые артефакты, громадный медный черпак для разливки плавящегося золота – Ричард купил его, когда сносили Королевский монетный двор. Вещи Ричарда, реликвии кровавого прошлого его семьи, портреты умерших предков, свитки с толстыми красными печатями. Голый кирпич и дуб. Квартира мужчины. Всегда ею была и останется такой же впредь. Сэм услышала рев вертолета, темной тенью пролетевшего мимо окна.

– Пока, Тигренок.

Она стояла у входной двери, надевая пальто.

– Пока, – бесстрастно ответил сын и пошел в свою комнату.

– Эй, Тигренок!

Он остановился, повернулся.

– А поцелуй на прощание я так и не получу?

Ники помедлил секунду, потом засеменил к матери.

– Ладно, – сказал он. – Я тебя прощаю. На сей раз.

– А если ты будешь себя хорошо вести, то и я тебя прощу.

– За что это?

– За то, что был невежлив с мамочкой.

Ники надулся, потом поцеловал ее, обвил руками шею.

– Извини, мамуля. – Он чмокнул ее еще раз и побежал прочь.

– Удачного дня в школе.

– Сегодня уже пятница! Ура!

Сэм открыла дверь, подобрала с коврика «Дейли мейл». Отыскала в газете свой гороскоп. «Ну-ка, что ждет Рыб?»

«Путешествие может обернуться неожиданностями. Сегодня на работе избегайте споров, как бы вас ни провоцировали коллеги. Выходные будут беспокойными и могут полностью исчерпать ваши внутренние ресурсы».

«Спасибо на добром слове. И вам тоже всех благ». Сэм сунула газету в дипломат, закрыла дверь и пошла по темному коридору. Их квартира располагалась на пятом этаже холодного каменного здания, которое по сегодняшним меркам находилось у черта на рогах. Но пройдет еще несколько лет, вокруг забуллит жизнь, и район станет считаться вполне

престижным. А пока их дом смотрелся одиноко: все вокруг снесли, и неизвестно еще, что построят взамен.

Сэм вышла на улицу, в серый свет, который теперь приобрел более яркий оттенок, навстречу запахам дизельного топлива, горячей смолы и реки. Она чувствовала вкус пыли вперемешку с песчинками, слышала стук поезда вдалеке, шипение пневматических шин и грохот бетономешалки.

Гороскопы. Кого в наше время волнуют гороскопы? Кого интересуют сны? Или внезапно перегоревшие лампочки?

Ее «ягуар» покрылся налетом пыли, осевшей со вчерашнего вечера, а их стоявший рядом старенький «рейнджровер» практически сменил из-за этого налета свой цвет. Сэм села в машину, вставила ключ в замок зажигания. Появился красный предупреждающий огонек, лихорадочно застучал топливный насос. Она ткнула вверх рукоятку дросселя и нажала кнопку стартера.

Двигатель после нескольких оборотов завелся, застонал, закашлял, потом раздался резкий хлопок, и он окончательно ожил. Стрелка тахометра бешено запрыгала, затем успокоилась. Она включила стеклоочиститель и «дворники», поставила рукоятку переключения передач на первую скорость, опустила ручник, после чего ухватила за тонкий, в деревянной оправе руль и тронулась с места, прислушиваясь к двигателю: тот чмокал и побряхтывал, словно старик, которого неожиданно разбудили. Три маленьких «дворника» перемалывали соль с пылью в прозрачную пленку, и Сэм еще раз брызнула на лобовое стекло жидкостью из стеклоочистителя.

Она вывернула руль, чтобы объехать припаркованный грузовик и попасть на Уэппинг-Хай-стрит, потом отпустила баранку, и та крутанулась обратно с такой сумасшедшей скоростью, что чуть ли не обожгла ей руки. Ретро. Кен был просто помешан на ретро. Он покупал для компании только старые машины. Оригинальный имидж, неплохое вложение капитала. Сэм притормозила перед поворотом на главную дорогу в ожидании возможности влиться в поток машин. Перед ней остановился автобус, загородив выезд. Она укоризненно посмотрела на водителя, который не отрывал взгляд от дороги впереди. «Ну прямо как зашоренная лошадь», – сердито подумала Сэм.

Потом она увидела на боку автобуса рекламный плакат. Он словно бы насмеялся над ней – серебряный самолет, застывший в прыжке голубой тигр и жирные красивые буквы:

МАЛЕНЬКАЯ КОМПАНИЯ – БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ!
ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ «ЧАРТЭЙР»!

7

Сэм припарковалась и поспешила через Ковент-Гарден к своему клубу. Самое подходящее время, чтобы немного поплавать. Сэм старалась посещать бассейн каждое утро перед работой, если у нее не было запланировано ранних встреч или если она не уезжала в командировку, а сегодня ей очень хотелось поплавать, чтобы окончательно проснуться, прогнать туман из головы.

Выходя из клуба, Сэм чувствовала себя лучше, хотя и не намного. Она прошла по узкой улочке, потом по громадной площади, мимо старого рыночного здания Ковент-Гардена, между голубей и уборщиков, которым площадь будет принадлежать еще целый час. Порыв ледяного ветра растрепал ее влажные волосы, и клочок бумаги пронесся мимо, словно раненая птица.

«СНЫ»!

Это слово так и пульсировало сквозь оконное стекло магазина.

«НАЙДИ КЛЮЧИК К СВОЕМУ СОБСТВЕННОМУ ТАЙНОМУ МИРУ! СНЫ. СНЫ. СНЫ».

В витрине стояли книги о сновидениях.

«СНЫ – ТВОЕ ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО».

«СИЛА СНОВ».

«СОННИК ОТ А ДО Я».

Это был один из маленьких книжных магазинчиков, мимо которых Сэм проходила каждый день, даже не замечая их. Она посмотрела на часы: 9:20. Толкнула дверь и даже слегка удивилась, что та не заперта. Вошла внутрь. Магазин был наполнен бумажным запахом, чистым и хрустящим. Новые обложки, свежая типографская краска – ну до чего же приятно здесь пахло. Сэм любила книги.

Высокий мужчина в водолазке беззвучно скользил по полу, крутя головой из стороны в сторону, словно робот. Он остановился в нескольких футах от Сэм, наклонил голову и вопросительно вскинул брови. Продавец был весь такой чистый и свежий, от него пахло дорогим мылом.

– Сны, – сказала Сэм. – Я... – Она внезапно заволновалась, увидев продавца. У человека с такой внешностью следовало попросить полное собрание сочинений Пруста. – Меня интересуют книги о сновидениях.

– Мм... – Он развернулся, заскользил по полу, сделал широкий жест рукой, показывая на стеллаж с надписью «Сны». И повернулся к посетительнице. – Вас интересует что-нибудь конкретное? – Он говорил нарочито приглушенным голосом, как в библиотеке, а дыхание его обдавало мятой. Продавец провел пальцами по корешкам, словно лаская спину спящей девушки, потом рука его замерла, и он легонько щелкнул пальцами по одному из переплетов. – Возможно, вот это подойдет. Вы студентка?

– Нет, – ответила Сэм, чувствуя себя польщенной.

«Нет, а жаль. Хотела бы я выглядеть студенткой, быть такой же молодой и беззаботной. „О, вы, наверное, выпускница Оксфорда?“ Кто, я? Нет, я окончила Университет жизни. Знаете такой? Первый поворот налево, сразу за долиной Горьких слез. Защищала диплом у Томпсона. Никогда о таком не слышали? Джей Уолтер Томпсон. Начинала секретаршей. Потом стала помощником продюсера. Когда мне стукнуло двадцать шесть, меня назначили младшим продюсером (головокружительная карьера, не правда ли?). Потом я бросила все это ради ребенка. А теперь, да, снова работаю. Работаю и вижу сны. Мне приснился сон об авиакатастрофе. Вы, наверно, слышали про нее – в Болгарии разбился самолет. Я могла бы

их всех спасти. Нужно было позвонить в авиакомпанию, да? „НУ-КА, РЕБЯТА, ВСЕ НА ДРУГОЙ РЕЙС. ЭТОТ ЛЕТИТ ПРЯМИКОМ НА ТОТ СВЕТ“.

Вы бы на моем месте так поступили?

Черт. Я съезжаю с катушек».

– Нет... я... я человек непосвященный. Меня интересует... мм... толкование сновидений.

Он вернул том на место резким движением запястья, чуть выгнул спину.

– Так, мм, сейчас соображу, я думаю... да... вот это как раз то, что вам нужно. – Продавец произнес это так, словно знал Сэм всю жизнь. Он вытащил тоненькую книжку в мягкой обложке с изображением глаза и рыбы. – Ну да, точно. «О ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ ГОВОРЯТ ВАШИ СНЫ».

Сэм посмотрела на заднюю страницу обложки, прочитала информацию об авторе: «Доктор Колин Хеар, преподаватель психологии в Университете Халла. Составив этот краткий словарь символики снов, он сделал Фрейда, Юнга и других великих толкователей сновидений понятными для простых обывателей».

Далее шла цитата из «Таймс»: «Книга, которая всегда лежит у меня на тумбочке возле кровати... Проснувшись утром, я первым делом заглядываю в этот замечательный справочник».

Она пробежала глазами указатель, нашла нужную страницу, просмотрела ее.

«*Полеты*. Желание подняться, выбраться из рутины; эрекция и сексуальные фантазии. *Самолет* может олицетворять фаллос или женское лоно».

Она еще полистала сонник.

«*Плавание*. Нередко символизирует секс, а также сопротивление основным инстинктам, неприятие каких-либо проблем. В переносном смысле может также означать беспокойство о том, как удержать голову над водой».

Сэм снова вернулась к цитатам на обложке, дабы убедиться, что книга ей подходит.

– Отлично, – сказала она. – Беру.

Она завернула покупку в бумажный пакет, вышла из магазина, миновала ряд закрытых еще киосков, торгующих всякой всячиной, перешла на другую сторону улицы и направилась в свой офис, расположенный в узком здании, втиснутом между издательством и магазином хирургических инструментов.

Окна первого этажа были закрыты жалюзи, на которых красовалась поперечная пластмассовая полоска с повторяющейся надписью «Кен Шепперд продакшнс». Она распахнула дверь в стиле ар-деко, с хромовым обрамлением, вошла в атриум.

Из белых стен, словно странные современные скульптуры, торчали фрагменты автомобилей. Капот «альфа-ромео». Хвост «фольксвагена-жука». Вместо стульев посетителям в зоне ожидания предлагались старые автомобильные кожаные сиденья, вмонтированные в прозрачные плексигласовые основания, а секретарша, что, на взгляд Сэм, выглядела совсем уж странно, восседала за рулем в отпиленной части капота белого «кадиллака-эльдорато» с откидным верхом.

– Привет, Люси.

Секретарша перестала печатать, подняла голову, посмотрела сонным взглядом. Мохеровый свитер, небрежный макияж и растрепанные мелированные волосы, которые она постоянно тщетно пыталась убрать с лица, но они падали обратно.

– Ага, привет. – Секретарша помолчала. – Доброе утро. – Она сонно улыбнулась. – А тебе звонили.

– Кто? Просили что-нибудь передать? – Сэм вопросительно посмотрела на Люси.

Та принялась рыться в бумажках на столе. Вид у нее был сонный, – похоже, сегодня она спала даже меньше, чем сама Сэм.

– Вот, нашла... Роб Кемпсон, из «Прейзуорзи», просит тебя прийти на брифинг в понедельник или... – Она уставилась на запись. – Да, утром в понедельник или во вторник. И по возможности перезвонить ему, как только появишься на работе. Вроде так... да, больше ничего.

Сэм взяла записку с номером телефона и моргнула: глаза щипало от хлорки в бассейне и от недосыпа. Она прошла мимо восковой фигуры Кена в натуральную величину: он сидел, ссутулившись, на плетеном стуле за спиной у Люси, председательствовал на совещании, закрывшись номером «Дейли мейл» (газету ежедневно меняли). Сэм настороженно покосилась на скульптуру: а вдруг это настоящий Кен? Босс однажды выкинул такой номер и здорово повеселился. Скульптор очень точно передал детали: джинсовая куртка; кудрявые волосы, черные, но уже с проседью; чуть помятое лицо, самоуверенная улыбка, говорящая: «Скорее уж я однажды изменю этот мир, чем он изменит меня».

Нет, перед нею манекен, а не человек. Выдают глаза – это, как говорится, зеркало души. Их не подделаешь.

И восковой блеск кожи тоже не отвечает действительности. Где запахи: табака, одеколона, волос, одежды, перегара, наконец? Ничего этого не было у скульптуры, холодной, блестящей и неподатливой.

Вот так Кен будет выглядеть, когда умрет.

Сэм поднялась по изящной лестнице, также украшенной фрагментами автомобилей. Вделанная в стену хвостовая часть старого лондонского такси (дверь открывается, так что при желании можно сесть внутрь), ребристый темно-синий капот «бугатти», прикрепленный к стене кожаными ремнями...

В здании было три этажа, если не считать цокольного. Кабинет Кена находился на самом верху, под крышей, а его бильярдная размещалась в цоколе; там же просматривали отснятый материал. Комната Сэм располагалась на первом этаже, рядом с каморкой Драммонда, их курьера.

Она пересекла лестничную площадку и оказалась в выдержанном в черно-белых тонах кабинете, который делила с Клер, помощником продюсера. Та сидела за своим столом в густом сладковатом облаке сигаретного дыма.

– Доброе утро, – поприветствовала ее Сэм.

У Клер была отвратительная привычка никогда не здороваться. Иногда она даже не поднимала головы, а если Сэм появлялась на работе раньше, просто входила молча и садилась за свой стол. Но сегодня она откинула с круглого курносого лица каскад волос и улыбнулась своей фирменной улыбкой, предвещавшей дурные новости.

– Угадайте, что случилось?

Сэм посмотрела на нее, изумленно вскинула брови. Клер, казалось, получала заряд положительных эмоций, когда сообщала о проблемах.

– Ему понадобились жирафы! Целых четыре штуки!

От дыма глаза у Сэм щипало еще сильнее, да и палец болел просто дико.

– Кому это нужны четыре жирафа?

– Кену, кому же еще.

– Он что, открывает зоопарк?

– Не знаю. – Клер покачала головой. – Нет, лично я пас. Сдаюсь. Где мне взять четырех жирафов, черт бы их подрал?

– В «Хэрродс», – сказала Сэм.

Ее собеседница изумленно замолчала, и Сэм, воспользовавшись моментом, проскользнула мимо стола Клер к собственной безопасной гавани у окна. И к воздуху, свежему воздуху, каким бы холодным он ни был. Она открыла окно, выглянула на улицу.

– Вы имеете в виду универмаг «Хэрродс»? – уточнила Клер.

– Ну да. У них есть абсолютно все. – Сэм, наблюдая за облаченным в черное уличным артистом, усевшимся на поребрик, отхлебнула кофе из термоса, потом повернулась и села за стол. – А если серьезно, то существуют же, наверное, какие-нибудь компании, специализирующиеся на животных. – Она одной рукой сняла трубку, а другой включила компьютер и вошла в электронную почту.

– Но жирафы – это еще цветочки. Есть и другая проблема. Тут вообще суший кошмар: сейчас ведь полярная ночь.

– Нужны белые медведи? – предположила Сэм, набирая на телефоне номер.

– Нет! Нужна Арктика, а там сейчас полярная ночь, жуткая темнота. Разумеется, никто об этом не подумал!

– Да про что вы толкуете?

– Про рекламу рыбных палочек, ну, вы знаете: «Суперпалочки». Так вот, там по сценарию траулер проплывает мимо айсберга. В Арктике.

Сэм кивнула. На том конце сняли трубку.

– Могу я поговорить с Робом Кемпсоном?

– А в Арктике сейчас полярная ночь! Ну и как снимать в темноте? Никто об этом не подумал.

– Не могли бы вы передать ему, что звонила Саманта Кертис? Я буду на месте еще полчаса, а потом вернусь в офис после полудня. – Она посмотрела на коллегу. – Не переживайте, Клер. Ролик отснимут в павильоне.

– Но заказчик требует, чтобы съемки были натурными. – Она закурила новую сигарету, отогнала дым ладонью. – Не представляю, как мы выкрутимся. Я сдаюсь. Просто поднимаю руки.

Открылась дверь, и вошел Драммонд, высокий, худой, сутулый. Вид у него был такой сонный, что парень смахивал на лунатика.

– Новый рекламный ролик, – сказал он и засопел, оглядывая комнату так, словно прибыл из космоса. Поднял серую пластмассовую коробку. – Куда поставить?

– Это про «БМВ», да, Драммонд? – спросила Сэм.

Он кивнул, снова засопел:

– И про «бакарди».

– Оставьте здесь, я хочу посмотреть. Мы с Кеном должны все проверить.

– Вы знаете что-нибудь про жирафов? – поинтересовалась Клер.

– Про жирафов?

– Ну да. Про жирафов.

Драммонд недоуменно посмотрел на нее, с его носа, свидетельствующего о пристрастии к кокаину, упала капля.

– Они почти не спят.

– Неужели? – удивилась Клер.

– Да, жирафы спят всего по полчаса в день. А это говорит о том, что они не слишком умны.

– Драммонд, а в снах вы разбираетесь? – спросила Сэм.

– Я? – Курьер оглядел комнату, словно желая убедиться, что он и есть тот самый Драммонд, к которому она обратилась. – Ох и странные они, эти сны. Тяжелая нагрузка на психику. Внутреннее пространство и все такое. – Он нахмурился, положил на стол Сэм видеокассету и вышел из комнаты.

– Миссис Вулф утверждает, что нас ждет плохой месяц.

– Вулф? – вполголоса переспросила Сэм. – Мало нам жирафов, так теперь еще и волки появились.⁴ А кто она такая – эта миссис Вулф?

– Ясновидящая, к которой я хожу.

Клер сняла трубку и принялась набирать номер.

Сэм прошла по коридору к кофемашине, налила себе чашку. Подула на пар, пригубила напиток, потом вернулась в кабинет и по интеркому вызвала Кена:

– Нам пора уходить через пять минут. Мы должны быть в монтажной в половине одиннадцатого.

– Я думал, просмотр будет здесь.

– А то вы Хоксмур не знаете. Хотите идти пешком или вызвать такси?

– Прогуляемся. Я зайду за вами.

Сэм посмотрела на Клер:

– И что, эта ваша миссис Вулф и впрямь ясновидящая?

– Да, и еще какая. Все знает наперед. Она предсказала, что мы с Роджером расстанемся.

– А что-нибудь хорошее она вам предсказывает?

– Иногда бывает. – Клер улыбнулась, ее глаза уставились в потолок, а мясистое лицо приняло отрешенное выражение; она словно бы погрузилась в транс. – Иногда миссис Вулф сообщает мне очень хорошие новости.

* * *

Сэм и Кен стояли в маленькой монтажной без окон среди коробок с пленками, полосок целлулоида и липких ярлыков – их тут были миллионы, наклеенных на все вокруг и исписанных фломастерами. Они смотрели на маленький экран монтажного стола «Стинбек».

Тони Райли, их монтажер, погасил верхний свет, и аппарат слегка загудел, закрутился. На экране возник капот кремового автомобиля – длинный, стильный, винтажный. Затем чья-то рука включила на приборной доске радиоприемник.

«Я в раю... Я в раю... Я в раю...» Сэм мысленно пропела слова еще не записанной песни, которой будет сопровождаться картинка. Камера отъехала назад, на экране появился молодой, хорошо одетый мужчина: он катил сквозь ночь в «мерседесе»-кабриолете пятидесятых годов. Молодой человек постукивал по рулю в такт ритму и вел машину очень медленно, она ползла как черепаха. Камера показала его лицо крупным планом – гладкое, самоуверенное, жизнелюбивое, после чего переместилась вперед, продемонстрировав длинную узкую улицу, застроенную по обе стороны симпатичными коттеджами.

Двери всех домов были открыты, и возле каждой стояла фривольно одетая девица. Мужчина медленно вел машину, а они выходили поближе к дороге, чувственно гладили автомобиль руками, ногами, пальмовыми ветвями, соблазнительно приподнимали на себе платья, показывали чулки с подвязками. Человек за рулем крутил головой то в одну, то в другую сторону, напевая: «Я в раю... Я в раю... Я в раю...»

Потом смена кадров: два санитара катят по улице больничную койку, на которой кто-то лежит. Девушки в страхе отшатываются в стороны, в безмолвном ужасе наблюдают, как каталка останавливается перед «мерседесом». Камера дает крупным планом лицо несчастного – это тот самый молодой человек, что прежде сидел за рулем машины.

«Ад или рай... – Слова эти автоматически пронеслись в голове Сэм. – Не перекладывайте выбор на кого-то другого. Пользуйтесь презервативами».

⁴ «Wolf» в переводе с английского означает «волк».

Камера проезжает мимо койки и снова показывает «мерседес», брошенный у края дороги и охваченный пламенем. Впереди вдоль улицы горят другие машины, из окон домов появляются языки пламени.

Аппарат со щелчком выключился, вспыхнул верхний свет.

И воцарилось молчание. Вечно это молчание, черт бы вас всех подрал.

Первый режиссерский монтаж.

Сценарий Кена Шепперда, лауреата международных премий. Гонорар берет аж двадцать тысяч.

Молчание затягивалось.

«Мы уложились в бюджет, – подумала Сэм. – И это полностью моя заслуга. Кена надо держать в узде, а то, будь его воля, он бы все денежки профукал и оставил нас без прибыли. С ним ни на минуту нельзя расслабляться».

Том Хоксмур, высокий ироничный автор рекламных текстов, с морщинистым от пьянства лицом и пышной шевелюрой светлых волос (все таких же, как и двадцать лет тому назад), тоже хранил молчание. Помалкивали и Юан Драйвер и Бентли Хьюз из агентства «Криэйтив тим».

Хоксмур выпустил первую ракету:

– В каком музее вы откопали этот чертов «мерс»?

– А та девица в боа из перьев, – подал голос Бентли Хьюз, – вы вроде как собирались снять крупным планом момент, когда она забирается на капот и демонстрирует все свои прелести?

– Да я бы и за миллион лет не протащил это через Ай-би-эй,⁵ – ответил Кен.

Щелкнули зажигалки. Кен, Том, Тони Райли – трое из шестерых присутствующих – закурили. Сэм с удовольствием бы к ним присоединилась. Очень хотелось курить. От дыма она чихнула. Открыла сумочку, поискала платок – не нашла. Очень странно. Сэм расстегнула внутренние кармашки, проверила там. Она ясно помнила, что взяла носовой платок – белый, с вышитыми на нем инициалами. Она могла голову на отсечение дать, что положила его в сумочку.

– Эти девицы, – заявил Хоксмур, – совершенно не похожи на уличных девок. Скорее уж, милые соседки в маскарадных костюмах.

– Я думал, что именно это и имелось в виду, – медленно и четко проговорил Кен.

– В сценарии сказано: уличные девки. Проститутки, шлюхи. А не девчушки, одевшиеся для смеха в мамины вечерние платья. – Хоксмур вперился взглядом в Сэм. – Что вы думаете об этих девицах, Сэм? Вам они кажутся сексуальными? – Он похотливо улыбнулся ей. – Что вообще женщинам кажется сексуальным в других женщинах?

– Но, Том, я считала, что целевая аудитория этого рекламного ролика – подростки, – сказала она, с трудом сохраняя спокойствие. – Наверяд ли тинейджеры ходят к проституткам. Они спят с соседками и считают, что это безопасно. Мы именно таких девушек и выбрали.

– А давайте вернемся к этой девице в боа.

– А давайте посмотрим ролик еще раз.

* * *

– А давайте напьемся, – предложил Кен, когда они шли по Уолдур-стрит.

Пасмурное утро перешло в ясный день, вот только было очень холодно: свежий ветер прямо обжигал. Они заглянули в тратторию. Было еще рано. Все аккуратное, нетронутое:

⁵ Ай-би-эй – британская организация, регламентирующая и регулирующая телевизионную рекламу.

чистые розовые скатерти, сверкающие столовые приборы, рогаики, итальянские хлебные палочки в пакетиках.

* * *

Сэм все еще нетвердо держалась на ногах, когда в начале седьмого вышла из офиса, во рту до сих пор ощущался тухловатый вкус тминной водки и кофе. Она попыталась подсчитать, сколько же они с Кеном выпили: две (или три?) бутылки вина, потом ликер. Не меньше двух бокалов. «Проясняет мысли», – сказал Кен.

Проясняет мысли? Ну-ну! Сэм зажмурилась, моргнула, и все огни раннего вечера дружно сместились влево. Она ощущала тупую боль в животе и острую как нож боль в центре лба; да к тому же ее слегка трясло – явно сегодня переборщила с кофеином.

Сэм споткнулась о тротуарную плитку. Направляясь к парковке, поняла, что от холодного воздуха ей стало только хуже. Сэм остановилась: нет, сегодня определенно не стоит садиться за руль. Увидев появившееся из темноты свободное такси, она вышла на проезжую часть и подняла руку.

– Уэппинг-Хай-стрит, – сказала она водителю. – Дом шестьдесят четыре.

И подумала, что, наверное, произносит сейчас слова не очень четко. Заднее сиденье, казалось, поднялось навстречу пассажирке, и поэтому Сэм не села, а буквально рухнула на него. Ну что, теперь можно и ненадолго отключиться. В ресторане тоже на какое-то время наступило забвение, и она чувствовала себя хорошо, просто отлично, так, будто стоит на вершине мира.

Кен не высмеял ее сон. Напротив, он проявил интерес, хотел услышать все подробности, помог ей сравнить сон с событиями, которые стали потом известны из СМИ. Объяснения у него, правда, не было. «Совпадение», – сказал Кен наконец, стараясь ее успокоить. Однако хорошо было уже и то, что ей кто-то поверил.

Но теперь забытье почти прошло, и Сэм вспоминала все снова.

Она посмотрела на рекламный щит у газетного киоска, тускло освещенный уличным фонарем, прислушалась к гудению мотора такси, словно накапливающего силы, чтобы рвануть на Стрэнд.

АВИАКАТАСТРОФА – ОШИБКА ПИЛОТА!

Да. Теперь специалисты все выяснили. Позвонили бы ей – она бы им сразу сказала. Изложила бы все жуткие подробности.

«Я? Конечно в курсе. Я же там была. Что вы хотите узнать?»

«В эфире десятичасовые новости. Подробности авиакатастрофы в Болгарии. Свидетельство очевидца! Рассказывает Сэм Кертис...»

Она сидела откинувшись на спинку, поглядывала на огни – огни, которые надвигались, мигали, ослепляли и исчезали; огни, которые высвечивали манекены в витринах и отбрасывали тени на тротуар, где быстрым шагом шли люди, подгоняемые холодом и дождем.

«Неужели все они тоже видят сны?» – подумала Сэм, испытыв неожиданный приступ тошноты. Она проглотила комок, задержала дыхание, и тошнота отступила. Она закрыла глаза и вновь утонула в беспорядочной трясине мыслей.

А потом вдруг увидела, что такси остановилось.

– Дом шестьдесят четыре? – спросил водитель.

Сэм открыла глаза, пытаясь сориентироваться, моргая в темноте. Невыносимый груз усталости давил ей на плечи, она так устала, что, казалось, даже не было сил выйти из машины. Она посмотрела на счетчик: 3,75 фунта. Вытащила из сумочки банкноту, просушила ее в окошко в стекле.

– Пусть будет четыре пятьдесят.

Таксист взял купюру, молча изучал несколько секунд, а потом повернулся и сунул ее обратно в окошко.

– Я бы предпочел деньги, мэм.

Сэм ощутила в руке жесткий пластик.

– Что это? – спросила она.

– Смотрите, что вы мне дали.

– Я дала вам... – Сэм замолчала: в салоне включился свет, и она изумленно уставилась на то, что держала в руке.

Оранжевый с белым посадочный талон: наверху напечатано название авиакомпании – «ЧАРТЭЙР», а снизу, чуть наискосок, вписано от руки место – 35А.

– Но как же?.. Откуда?.. Я не давала вам этого... я. – Сэм подняла недоуменный взгляд, пытаясь разглядеть в темноте лицо водителя. Теперь свет зажегся и в его части салона, и она вдруг ясно увидела...

Волна страха сотрясла ее, приподняла с сиденья и с силой бросила на пол. Униженная и перепуганная, она лежала там, сжимая в руках посадочный талон и все еще не понимая, что происходит. Затем, дрожа от ужаса, Сэм вновь подняла взгляд на водителя и увидела зловеще ухмыляющееся лицо в балаклаве. Сквозь прорези видны устремленные на нее глаза. Вернее, только один глаз: на месте второго – пустая багрово-красная глазница с загнутыми внутрь ресницами.

8

Время замерло.

Она видела его страшную улыбку, ненависть, решимость.

«О господи, кто-нибудь, помогите мне. Пожалуйста».

Сэм бросила взгляд в темноту за окном такси, прикидывая, удастся ли ей убежать. Улица с ее закоулками, рекламными щитами и пустыми зданиями была безлюдна. Если он догонит ее, то запросто сможет затащить в одно из сотен мест, где ее труп не найдут еще много дней.

А он тем временем довольно хихикал, наслаждался собственной шуткой, смотрел на Сэм, ухмылялся. Поддразнивал.

Она взглянула на посадочный талон, потом снова на него, пытаясь понять, что случилось, заставить мозг работать, постичь логику происходящего. Она ведь ехала в такси. Значит, находилась в безопасности. Ну конечно.

Сэм потянулась к ручке двери и дернула ее.

Ничего.

Она попробовала еще раз, изо всех сил. По-прежнему безрезультатно. Сэм сердито уставилась на него, а он зашелся смехом. Она поднялась на колени, попыталась опустить окно, но металлическая защелка оторвалась, порезав ей палец. Она бросилась к другой двери, попробовала открыть ее, хотя и заранее знала, что результат будет тот же. Потом метнулась назад, снова схватилась за ручку первой двери, принялась яростно дергать ее.

– Помогите! Выпустите меня! Выпустите!

– Мадам?

– Помогите!

– Мадам?

Она снова дернула ручку.

– Мадам? Что случилось, мадам? – Голос, недоуменный, мягкий, донесся до нее из темноты. – Мадам, что с вами?

Сэм моргнула, уставилась в пространство, залитое оранжевым светом. Подумала: «Это уличный фонарь».

– Вам нехорошо, мадам?

Она услышала постукивание двигателя, увидела усатого человека в форменной фуражке, с добрым лицом. Он обеспокоенно смотрел на нее с водительского места.

Сэм вдруг поняла, что лежит на полу, почувствовала легкую вибрацию, ощутила запах резинового коврика. Она цеплялась за ручку двери.

– Я... – Голова кружилась, мысли путались, и на мгновение Сэм подумала, что сейчас потеряет сознание. Она зажмурилась, потом разомкнула веки. – Извините, – сказала она. – Я, кажется...

Таксист вылез из машины, открыл пассажирке дверь, помог ей подняться и выйти из машины.

– Мне показалось, что вам стало плохо.

– Извините, – повторила Сэм. В голове понемногу прояснялось, и она сообразила, что выставляет себя в глупом виде.

– Я просто уснула... мне приснился страшный сон. Сколько с меня?

– Три семьдесят пять, – ответил водитель. – Может быть, проводить вас до двери?

«Три семьдесят пять, – подумала она как в тумане. – Та же самая цифра была и во сне».

– Нет, спасибо. Я дойду сама, не беспокойтесь. – Сэм протянула ему пять фунтов. «Пусть будет четыре пятьдесят...» Она ненадолго замешкалась, а потом сказала: – Доставка вам хлопот. Сдачи не надо. Спасибо.

Она развернулась и поспешила прочь, вверх по ступенькам подъезда; услышала щелчок, когда ее засек фотоэлемент и автоматически включился свет. Сквозь темноту посмотрела на лицо водителя – тот обнулil счетчик и выключил свет в салоне.

Сэм постояла, дожидаясь, когда он уедет. Ее трясло, страх затуманил ей мысли.

9

Женская тень упала на могилу, затеняя слабый свет из далекого церковного окна. Ветер сотрясал деревья, брнчал ветками, словно костями в мешке, и доносил едва слышные мелодии псалмов – в церкви репетировал хор.

Женщина тяжело дышала. Высокая, ширококостная, лет семидесяти с небольшим, она была непривычна к бегу, и ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и почувствовать, как затихает боль в груди. Наконец возбуждение, которое булькало в ней, как кипящая вода в котле, утихло настолько, что она смогла говорить.

Ее тень наклонилась над надписью на могильной плите, слова на мгновение мелькнули в свете из окна, потом снова скрылись в темноте.

БИЛЛИ ВУЛФ
1938–1964

Женщина, как обычно, опустилась на колени, плотно сомкнула веки и быстро, неразборчиво произнесла несколько молитв. Она покачивалась вперед-назад, бормоча все быстрее и быстрее, пока слова не превратились в непрерывное причитание, а обильные слезы не заполнили ее глаза, мешая видеть. Потом женщина некоторое время помолчала, крепко зажмурившись; наконец, уже не в силах дольше скрывать возбуждение, открыла глаза и поднялась.

– Я принесла тебе подарок, Билли, – сказала она с гортанным среднеевропейским акцентом. – Ты будешь доволен мною. Очень доволен! Я точно знаю. Смотри, Билли.

Женщина вытащила из видавшей виды сумки носовой платок и потрясла им над могилой.

– Это *ее* платок, Билли! Его будет вполне достаточно, правда? – Она просияла. – Я знаю: ты доволен. Столько времени ушло на то, чтобы найти ее. Понимаешь, девчонку взяли к себе дядя с тетей. Сменили ей фамилию, увезли далеко отсюда. Но теперь мы снова ее нашли. Маленькая сучка. Ничего, Билли, теперь у нас полный порядок. – Женщина снова потрясла платком, улыбнулась и, аккуратно сложив его, убрала в сумочку. – Не волнуйся, Билли: она у нас в руках.

10

– Эй, посмотри-ка! «Феррари» – вот это да! Жми, мамочка, догони ее! Ну же!

Задние огни спортивной машины исчезли вдали.

– Ты почему едешь так медленно, мамуля?

– У нас и так скорость восемьдесят миль в час, Тигренок.

– Медленно.

– Это на десять миль больше, чем разрешается.

– Так, значит, тот человек нарушал закон?

– Да.

– И папа нарушает закон. Он в прошлую субботу ехал со скоростью сто тридцать пять миль. Глянь-ка! А вот и папуля! Ура!

Сэм посмотрела на Ники в зеркало заднего вида «рейнджровера»: сынишка сидел прижав лицо к окну.

– Это не папа, просто машина похожа. Только у нашего папы она быстрее.

– А почему мы сворачиваем?

– Нам нужно кое-что купить.

– Не хочу-у-у! Ты любишь ходить в магазин, Хелен?

Няня повернулась к нему:

– Смотря что я покупаю, Ники.

– Не понимаю, как это вообще может нравиться.

«Наш выпуск новостей подходит к концу. Прослушайте прогноз погоды на выходные для Суссекса и Саут-Даунса. Погода ожидается сухая и ветреная, не исключен шторм, так что придерживайте ваши шляпы и парики... А теперь вернемся в лето шестьдесят седьмого года. Рок-группа „Кинкс“. „Солнечный день“».

Сэм въехала на парковку универмага, песня пробудила в ней смутные приятные воспоминания. Они трое взяли каждый по тележке и двинулись внутрь. Ники боком задел стеллаж с безалкогольным пивом, потом лоб в лоб столкнулся с другой тележкой, отчего они так крепко сцепились, что их обе пришлось оставить. Затем мальчик покачался на перилах, задел ногой чью-то корзинку и забрался на горку консервов с надписью «Печеные бобы „Хайнц“ – СКИДКА 4 пенса!» – аккуратная пирамида рассыпалась под ним.

Когда они наконец выехали с парковки, Сэм испытала облегчение.

– Мы купили булочки для бургеров?

– Да.

– А сосиски?

– Да.

– Ура!

Она затормозила так резко, что колеса взвизгнули. «Рейнджровер» дернулся и остановился. Хелен бросило вперед, ремни впились ей в кожу.

– Прошу прощения, – сказала Сэм, глядя на красный сигнал светофора. Она повернулась, чтобы посмотреть на Ники, пристегнутого на заднем сиденье. – Ты цел, Тигренок?

Он кивнул, внимательно разглядывая машины, едущие по перекрестку.

– «Форд», «форд», «датсун», «ровер», «тойота», «форд», «ситроен», «порше»! А папа когда вернется, мамуль?

– Сегодня вечером. Он поехал на охоту.

– Я тоже хочу. Он и меня обещал взять.

– Может, завтра возьмет.

Ох уж эти охотники. Сэм сморщила нос. Ей не нравилось, что Ричард поощрял у Ника это стремление. Она хотела, чтобы их сын вырос за городом, чтобы он дружил не только с лондонскими ребятами, но и завел себе приятелей среди местных. И все бы хорошо, если бы не эта охота. Сэм принимала увлечение мужа как нечто неизбежное, но всегда тревожилась. Она повернула голову, посмотрела на дорожный щит: «ЛЬЮИС, БРАЙТОН, ИСТБОРН, ТЕРНБРИДЖ, УЭЛЛС». Свет на светофоре сменился на зеленый, она включила первую передачу, отпустила сцепление.

– «Воксхолл», «остин», «фольксваген», «ягуар», «форд», «хонда», «фольксваген», «фиат»...

– Эй, Тигренок, передохни немного.

Ники знал все до единой марки машин.

– А гуси там будут?

– На ферме? Возможно.

– А гуси клюются?

– Да.

– А они могут заклевать человека до смерти?

Сэм улыбнулась:

– Нет.

– А вдруг они нас заклюют, а потом съедят?

Черная балаклава с прорезями высунулась из-за перегородки такси.

– Никто нас не тронет.

Багрово-красная глазница.

«Ерунда. Глупости. Старые образы из давних снов. Они ничего не значат, просто забудь. Это мозг играет с тобой такие шутки. Расстроилась из-за измены Ричарда, вот на тебя и накатило».

А как же сон про авиакатастрофу?

Совпадение. Кен был прав. Обычное совпадение. Нужно оставить это в прошлом. Оставить, как исчезающую в зеркале заднего вида песчинку. Сэм любила бывать за городом. Как здорово уехать из Лондона! На весь уик-энд. Отметить день рождения Ники. С ним порой непросто, но зато весело. Она прекрасно проведет выходные, залечит раны.

Сэм свернула с главной дороги на проселок с высокими зелеными изгородями по обе стороны. По-старушечьи прихрамывая, навстречу им семенил фазан. Она все никак не могла привыкнуть к тому, что после октябрьского урагана эта дорога стала гораздо светлее. Деревья, которые прежде затеняли ее, теперь по большей части исчезли. Куда ни посмотри, всюду валялись вывернутые с корнем деревья, словно здесь от души позабавился великан.

– А я знаю, где мы! А я знаю, где мы!

Сэм въехала в узкие сломанные ворота, дальше дорога шла вдоль ограды загона для скота, мимо щита с надписью «ДОРОГА НА ФЕРМУ. ФЕРМА ОЛД-МЭНОР. ПРИДОРОЖНЫЙ ДОМ». Она свернула на узенькую ленточку крошащегося бетона, проложенную через вспаханное поле, словно гать на болоте. «Рейнджровер» подпрыгнул на рытвине, потом еще раз, руль крутанулся в ее руках. Слабый запах земли, навоза, влажной соломы проник сквозь закрытые окна.

– Дурацкая дорога, – сказал Ники.

На дальней стороне поля Сэм еще раз повернула налево, проехала мимо фермы с амбарами, сараями и силосной башней, потом вниз по склону холма. Сначала они увидели крышу дома, потом она исчезла за хвойными деревьями. Сэм объехала ветхий сарай, при виде которого ей всегда становилось не по себе, и машина наконец оказалась перед домом.

Когда они купили дом, тот был в прекрасном состоянии – хоть сразу въезжай и живи. Но Ричарду показалось, что он недостаточно хорош. В результате все внутренности выпо-

трошили, комнаты расширили, обновили потолок и стены, вырыли бассейн, оборудовали теннисный корт с твердым покрытием. Деньги утекали как вода, Сэм и не знала, что у них столько денег. Андреас каким-то волшебным образом добывал наличные, заключая сделки, в которых она ничего не понимала. Ричард подружился с этим швейцарским банкиром, и тот, похоже, полностью завладел его мыслями. Когда муж был дома, он постоянно разговаривал с этим самым Андреасом по телефону. А уж как заискивал перед швейцарцем, когда тот пришел к ним на обед. Сэм призадумалась: Ричард стал меняться, когда ему в карман потекли большие деньги? Или это случилось, когда он завел роман с той сучкой? А может, все дело было в Андреасе? В Андреасе, с которым она наконец-то познакомилась два дня назад? В загадочном иностранце, никогда не снимавшем черную перчатку?

Часть крыши снесло во время урагана, и теперь ее ремонтировали. У одной из стен установили ржавые леса, и ветер трепал закрывавшее их ярко-синее брезентовое полотнище. Эти леса не внушали Сэм доверия: они так раскачивались, того и гляди обрушатся.

Дом был типичным жильем фермера Викторианской эпохи. Его предыдущий владелец потерял в автокатастрофе обе ноги и покончил с собой: заперся в обветшалом теперь сарае и завел двигатель машины. Его вдова продала ферму и уехала; это стало известно им уже после приобретения дома, и Сэм спрашивала себя: попыталась бы она убедить Ричарда отказаться от покупки, если бы эта история дошла до них раньше? А теперь у нее постоянно возникало ощущение, что тут все пропитано меланхолией. И тем не менее дом нравился ей, особенно внутри: изящные комнаты были просторными, некоторые из них они с Ричардом еще увеличили. Пожалуй, они сделали это напрасно: в помещениях такого размера трудно чувствовать себя уютно.

Сэм крутанула руль, чтобы объехать рытвину в крошащейся бетонной дорожке.

– Вот тебе работа, Тигренок, – сказала она веселым голосом, хотя никакого веселья не чувствовала. – Можешь заделывать ямы.

– Нет, не буду.

– Почему, Ники? – спросила Хелен.

– Да потому, что там могут быть рыбки.

Щебень на круговой дорожке постукивал по днищу «рейнджровера» – сплошной гравий, в который колеса погружались по втулку. Сэм нажала на тормоза и выключила двигатель. Воцарилась тишина. Сэм почувствовала, как порыв ветра качнул машину. Ники возбужденно дернул ручку двери.

– Ура! Завтра мой день рождения!

– Ждешь с нетерпением? – спросила Хелен.

– Ага!

– Да, дорогой, – поправила его Сэм. – Надо говорить «да», а не «ага». Понял?

Мальчик задумался, потом дерзко ухмыльнулся матери.

– Ага! – выкрикнул он. – Ага! Ага!

А затем выпрыгнул из машины и побежал по дорожке.

Сэм посмотрела на Хелен, покачала головой и улыбнулась. Няня залилась румянцем.

– Извините, – сказала она. – Я пытаюсь его отучить. Но Ники такой упрямый.

– Весь в отца, – ответила Сэм, распахнула дверь и вышла наружу. Ветер растрепал ей волосы, откинул их назад, больно швырнул горсть песка прямо в правый глаз. Она моргнула, протерла его платком, потом открыла багажник.

И на несколько мгновений замерла, разглядывая открывшуюся перед ней панораму. Поля, поля, тянущиеся до самого берега реки Уз, поля за рекой, а вдалеке за ними – Саут-Даунс. Справа – шпили и стены Льюиса, меловые отвесные берега и разрушенный замок на холме. Даже в холодное и ветреное январское утро, когда повсюду вокруг валялись вырванные с корнем деревья, вид был впечатляющий. Эх, вот бы прямо сейчас надеть резиновые

сапоги и отправиться туда, вдаль. Но Сэм повернулась, взяла первую коробку с покупками и потащила ее в дом. Снова посмотрела на леса и на полотнище синего брезента, которое хлопало на ветру, словно парус.

Она вошла в дом, и запах свежей краски окутал ее. Сэм принялась: пахло хорошо. За ней вошла Хелен с огромным бумажным пакетом.

– Боже, ну и холод!

Сэм внесла коробку, опустила ее на кухонный стол. Гордо посмотрела на новенькую синюю плиту, включила ее, прислушалась к работе масляного насоса, полюбовалась вспышкой пламени. Потом открыла щиток и включила центральное отопление. Послышались клацанье, дребезжание, щелчок, вновь вспыхнуло пламя, потом ребристая дверь начала вибрировать.

Сэм опять вышла из дома. Навстречу ей попала Хелен, которая несла упаковку колы. Ники шел следом, с трудом тащил пакет. Сэм улыбнулась:

– Не надорвешься, Тигренок?

Сын отрицательно покачал головой, преисполненный мрачной решимости. Она взяла еще одну коробку и поспешила за Ники по хрустящему под ногами гравию, с нежностью глядя на сына; он поставил пакет на землю, потом снова его поднял. Господи, до чего же он еще маленький. Но он вовсе не казался таким уж крохотным, когда родился.

Пришлось делать кесарево сечение. Этот идиот-акушер не сразу понял, что ее таз недостаточно широк для крупного ребенка.

«Нет, ради Христа, нет! Боже мой!

Хорошо же ты поработал, мистер Выдающийся Акушер. Сладкоречивый мистер Фрамм. А уж как перед этим соловьем разливался, уверяя, что все будет в порядке. Блестящую операцию ты мне сделал. Просто супер! Каким инструментом пользовался? Лопатой?

Больше не будет детей? Не смогу рожать? Отлично. Высший класс. Огромное спасибо».

Ей советовали подать на врача в суд, но Сэм не видела в этом никакого смысла. Еще один ребенок у нее от этого не появится.

Просто эпидемия какая-то: сейчас все предъявляют друг другу иски. Присоединиться к отверженным с их мисками для подаяний у Дворца правосудия? Судиться. Судиться. Судиться. Теперь, даже если человек истекает кровью в разбитой машине, люди предпочитают не рисковать и оставить его без помощи: вдруг он их потом засудит, если они случайно сделают что-нибудь не так.

Ники поставил пакет на пол в кухне.

– Пойду проверю свой штаб – все ли в порядке. Мне там еще нужно кое-что сделать.

Его тайный штаб находился в сарае. «Хорошо хоть он не боится сараев», – подумала Сэм, глядя, как сын бросился к двери. Она просила Ричарда пойти посмотреть, что Ники там устроил, – сама не могла.

Мама иногда годилась для какой-нибудь игры, для развлечения; когда Ники уставал, она укладывала его в кровать и рассказывала на ночь сказку, но по-настоящему мальчик тянулся к отцу. Ричард брал его на рыбалку, играл с ним в машинки, учил сына плавать, пользоваться компьютером, ходить под парусом. «Некоторые вещи, – думала Сэм, – ты не в силах изменить, хоть головой об стенку бейся». Хорошо, конечно, что отец и сын так любили друг друга. Вот только иногда она чувствовала себя брошенной. Такой же одинокой, как в детстве, – неприкаянным ребенком, который не нужен ни дядюшке, ни тетушке.

Сэм вышла из дома за очередной коробкой с продуктами, принесла ее в дом по свежему, обжигающе-холодному воздуху. А ведь они могли быть здесь счастливы. Все так хорошо начиналось, и вдруг... «Ах, Ричард, Ричард, сукин ты сын!»

Она втащила в дом свой чемодан, поднялась по грязному полотнищу, защищавшему лестницу от пыли. «Я думала, они уже закончили красить лестницу. Ох и жулики эти строители».

Столько еще всего предстояло сделать. Сколько сил понадобится. Но это еще куда ни шло. Плохо другое: у нее пропало желание что-либо делать. Вот именно, ЖЕЛАНИЕ. А ведь все было иначе, когда они покупали этот дом. Да-да-да. Агент по недвижимости дал им ключ и позволил приехать посмотреть дом еще раз без него, и они с Ричардом занимались любовью прямо на голом пыльном полу.

«Почему бы и нет? Можем мы себе это позволить?»

«Конечно можем, Багз».

«Вот так-то».

Это было в июне прошлого года.

Сэм прошла в спальню по полотнищу, устилавшему темный коридор, мимо лестниц, банок с краской, рулонов бумажной подложки под обои, поставила чемодан на пол. Зеркала. На всех стенах. И на дверях массивного шкафа красного дерева, который достался им вместе с домом, тоже. И еще одно зеркало должны были установить на потолке. На что Ричарду так нравилось любоваться? На собственную волосатую задницу?

Сэм подошла к окну, посмотрела на сгущающиеся тучи, увидела вихрь листьев, поднятых ветром, рябь на далекой воде.

Вынимала.

Черная балаклава, невесть откуда возникшая за стеклянной перегородкой в такси.

Оранжево-белый посадочный талон.

Место 35А.

Сэм услышала щелчок у себя за спиной, тихий такой щелчок, будто закрылась дверь, и вдруг почувствовала, как страх обволакивает ее, словно холодный туман. Она смотрела в окно и видела там только какие-то нечеткие очертания. Кто-то или что-то вошло в спальню и теперь стояло у нее за спиной. Так близко – она чувствовала на шее чужое дыхание.

Сэм тряхнула головой, дрожь пробрала ее; она крепко ухватила за батарею под подоконником, так крепко, что металл врезался в кожу. Ей хотелось повернуться – повернуться и увидеть, кто там. Кто бы это ни был. Но она не могла заставить себя даже пошевелиться.

– Кто здесь? – спросила Сэм, не оборачиваясь.

Ответом ей была тишина.

– Чего вы хотите? – громко, четко проговорила она.

И снова тишина.

Она развернулась, на миг вдруг почувствовав себя отчаянно храброй. Но в комнате ничего не было. Только ее собственное отражение в зеркале.

На нетвердых ногах Сэм доковыляла до кровати, опустилась на белое махровое покрывало, вытащила из сумочки пятничный выпуск «Дейли мейл». Нашла нужную страницу, внимательно рассмотрела большую фотографию хвостовой части самолета на снегу, а затем вторую, маленькую, в углу. Она была снабжена подписью: «Самолет этой же самой модели, „Боинг-727“, разбился в авиакатастрофе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.